

ЛИТЕРАТУРА

ПОДПИСНАЯ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ СЕРИЯ

1983/6

В.П.Большаков

МОНТЕНЬ—ВЕЛИКИЙ

ГУМАНИСТ

ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

ЗНАНИЕ

НОВОЕ В ЖИЗНИ, НАУКЕ, ТЕХНИКЕ

НОВОЕ В ЖИЗНИ, НАУКЕ, ТЕХНИКЕ

ПОДПИСНАЯ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ СЕРИЯ

ЛИТЕРАТУРА

6/1983

Издается ежемесячно с 1967 г.

В. П. Большаков

**МОНТЕНЬ — ВЕЛИКИЙ
ГУМАНИСТ
ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ**

(450 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Издательство «Знание» Москва 1983

ББК 83.34Фр
Б 79

БОЛЬШАКОВ В. П. — кандидат филологических наук, специалист по французской литературе.

Рецензенты: Великовский С. И., доктор философских наук, член СП СССР; Никитин В. А., кандидат филологических наук.

Большаков В. П.

Б 79 Монтень — великий гуманист эпохи Возрождения (450 лет со дня рождения). — М.: Знание, 1983. — 64 с. — (Новое в жизни, науке, технике. Сер. «Литература»; № 6).

11 к.

Имя Монтеня — одно из ключевых имен в европейской литературе. Соединив в себе гений писателя и философа-гуманиста, Монтень оказал большое влияние на дальнейшее развитие французской и всей мировой литературы. Четыре века, прошедших со времени создания «Опытов», упрочили славу их создателя. Читательский интерес к нему в нашей стране велик. Брошюра знакомит с творчеством и жизнью писателя и рассказывает о главном труде его — «Опытах».

4603020000

ББК 83.34 Фр
809

Мишель Монтень — крупнейший французский писатель позднего Возрождения, художник, оказавший большое влияние не только на французскую, но и на всю европейскую литературу. 450-летие со дня рождения Монтеня было отмечено как важная дата в истории мировой культуры.

«Опыты» — основное произведение писателя, плод более чем двадцатилетней творческой работы. Если читателя, совершенно незнакомого с французским художником, это заглавие сначала может несколько отпугнуть и насторожить своей сухостью и научностью, то вскоре он начинает понимать, что перед ним отнюдь не философский трактат или научное сочинение. Книга сразу же увлекает, зачаровывает читателя, попадающего в обстановку непринужденной дружеской беседы, нисколько не похожей на систематическое изложение теоретических взглядов. Писатель вовлекает читателя в круг сложнейших моральных и философских проблем, но делает это ненавязчиво, просто, в доступной художественной форме. Это все те же самые «проклятые» вопросы, над которыми бились герои Толстого, Достоевского, Тургенева, Чехова и других знакомых и близких нам писателей.

Понятия «эссе», «эссеист», «эссеистика» в настоящее время существуют и в русском языке. Иногда под словом «эссе» понимают критический очерк, написанный в свободной, раскованной манере. Но мало кому известно, что слово это создал Монтень. В подлиннике его книга называется «Essais», что дословно переводится как «попытки», «риски», «старания», «пробы», «опыты», причем последнее значение далеко не самое точное, но, очевидно, при переводе ему было отдано предпочтение в силу его большей стилистической нейтральности. В русский язык это слово скорее всего попало из английского: в XVII веке в Англии появилось в подражание «Опытов» великое множество essays, тогда это слово и стало обозначать жанр: в XVI же столетии оно не имело подобного смысла. Вот, например, в каком тексте писатель использует его: «Суждение есть оружие, годное для всякого предмета, и оно примешивается всюду. По этой причине в своих опытах я пользуюсь им при любом случае. Если речь идет о предмете мне неясном, я для этого и пытаюсь порассуждать о нем, чтобы издали нащупать брод и, найдя его слишком глубоким для моего роста, стараюсь держаться поближе к берегу». В этом контексте ясно что «опыты» Монтеня это «пробы», «попытки» собственных суждений, поиски своего мнения. Автор «старается» высказать свою точку зрения по поводу затрагиваемых им тем.

В какой-то мере помочь раскрыть смысл названия книги может и тот факт, что сам писатель, по крайней мере вначале, не был склонен считать свой труд собственно художественным произведением. Он предназначал его для узкого круга друзей и знакомых, которым были бы интересны результаты его «опытов», самоанализа, для которых были живы интонации его разговоров и бесед. В обращении к читателю Монтень пишет: «Это искренняя книга, читатель. Она с самого начала предвещает тебе, что я не ставил себе никаких целей, кроме семейных и частных. Я нисколько не помышлял ни о твоей пользе, ни о своей славе. Силы мои недостаточны для подобной задачи. Назначение этой книги — доставить своеобразное удовольствие моей родне и друзьям: потеряв меня (а это произойдет в близком будущем), они смогут разыскать в ней кое-какие следы моего характера и моих мыслей и, благодаря этому, восполнить и оживить то представление, которое у них сложилось обо

мне. Если бы я написал эту книгу, чтобы снискать благоволение света, я бы принарядился и показал себя в полном параде. Но я хочу, чтобы меня видели в моем простом, естественном и обыденном виде, непринужденном и безыскусственным».

Почему же произведение столь личное стало художественным произведением, воздействие которого на дальнейшее развитие французской литературы неоспоримо, стало достоянием массы читателей многих стран и продолжает вызывать интерес и в наше время?

Дело в том, что «Опыты» представляют собой одну из самых уникальных и последовательных попыток дать представление о многообразии и сложности человеческой личности. Автор описывает себя, но интерес представляют не только собственно его суждения, мысли, мнения, но и то, как они формируются, движутся, что является их тайными пружинами; автор показывает не только результаты своего мышления, но и саму работу мысли. Если воспользоваться широко распространенным в настоящее время термином, то творчество Монтеня можно в какой-то степени сравнить с «мета-мышлением», с обращением мысли на самое себя. Именно поэтому «Опыты» рассчитаны на очень широкий круг читателей: их прочтут с интересом и филолог, и историк, и психолог, и врач, и педагог, и ученый-естественник.

Произведение это с удивительной полнотой отразило своеобразие перехода от Ренессанса к XVII веку. Безусловно, оптимистическое ренессансное представление о возможностях человека, его разума, уступает место у писателя более трагическому, противоречивому взгляду на мир и жизнь. Общий колорит «Опытов» — не сверкающий красками яркий мир необузданных героев Рабле, а скорее мир Гамлета с его раздумьями «быть или не быть». Писатель понимает, что его опыт — попытка дать исчерпывающее, универсальное объяснение человека и мира — во многом оказывается несостоятельным.

Возрождение в Европе было эпохой расширения всех возможностей, временем великих географических открытий, когда самоощущение человека в мире приобрело совершенно новое измерение, когда потребовались новые ориентиры и ценности. Для человека средних веков, воспринимавшего мир как геоцентристскую систему, привыкшего к строгой нерар-

хизации, градации всех общественных и духовных отпощений, когда предмет и явление воспринимались неподвижно и закреплялись навсегда в каком-нибудь ряду, мир вдруг раздвинулся до непостижимой бесконечности и неисчерпаемости: человек словно попал из знакомой местности, где он все знал и мог ориентироваться, в чужую, где ему нужно было заново обнаруживать новые точки отсчета и ориентиры. И вот он «пробует», «пытается» их определить, старается дать как можно более общее представление о человеке, личности в целом.

Однако период Возрождения во Франции, пришедший на детство и молодость Монтеня, оказался очень кратковременным. Французское Возрождение почти в буквальном смысле было ввезено в обозе итальянских походов Франциска I: оно дало миру Рабле, Ронсара. Но затем, уже в зрелом возрасте Монтеня, начался его кризис, характеризовавшийся растерянностью перед многообразием развернувшегося перед человеком мира. Пессимизм, очень близкий тому настроению, которое выражено в картине «Меланхолия» великого немецкого художника А. Дюрера, сменил первоначальный пафос открытия и объяснения мира. За время примерно с 1470 по 1545 год (а Монтень родился в 1533 г.) Европа была потрясена открытием Америки, изменившим представление о форме Земли, изобретением книгопечатания, реформами в области религии. И все это произошло в течение одного поколения: Монтеню пришлось быть свидетелем и расцвета и кризиса французского Ренессанса, крушения ренессансных идеалов, когда утопические идеи, одушевлявшие «титанов Возрождения», в значительной мере утратили свой абсолютный характер, когда происходило изменение общественных отношений и в недрах французского феодального общества вызревали новые буржуазные отношения, что было связано и с укреплением королевской власти, сводящей на нет феодальный индивидуализм, анархическое своеволие эпохи рыцарства. Взаимодействие самых противоречивых социальных сил становилось важным фактором развития страны. Поэтому в творчестве французского писателя получает отражение также и эта гибель иллюзий Возрождения, растерянность перед лицом возросшей ответственности человека за принятие решений, которые теперь нельзя переложить ни на сюзерена, ни на бога.

Начавшее уже складываться в результате капиталистического развития отчуждение личности имело следствием разорванность сознания, неудовлетворенность отсутствием единства и цельности, определенный скепсис, проявляющийся в известной монтеневской формулировке «что я знаю?». Безусловно оптимистическое ренессансное представление о возможностях человеческого разума уступает место у Монтеня более трагическому, противоречивому взгляду на мир и жизнь. Творчество его во многом знаменует закат ренессансной цельности и переход к полному мучительных противоречий времени барокко XVII столетия.

Было бы все же односторонне и неверно оценивать писателя только как пессимиста, оказавшего подавленным всеми теми знаниями, которые, как из рога изобилия, захлестнули умы людей XVI века. Его по праву следует считать великим гуманистом, который полагал, что человек не должен смиряться перед судьбой, богом, провидением и способен подобно Атланту, не сгибаясь, выдерживать всю тяжесть ответственности за свои поступки и дела. Его никогда не покидает радость бытия, он обостренно восприимчив к жизни, ее полноте, ее радостям.

Эпоха, на которую приходится творчество Монтеня, представляла собой одну из самых мрачных страниц французской истории. Это было время кровопролитных религиозных войн, Варфоломеевской ночи 23 августа 1572 года, временем «великой смуты», в какой-то мере напоминающей закончившуюся век назад Столетнюю войну или лихолетье Тридцатилетней войны, разразившейся несколько десятилетий спустя в Германии, временем религиозной нетерпимости и неприимости. И посреди всеобщего безумия заговоров, подозрений и вражды возвысился голос человека, призывающего к национальному примирению, разуму, компромиссам.

Произведение Монтеня прошло проверку временем. В течение почти четырехсот лет оно оставалось одной из любимых книг самых разных писателей — Шекспира, Вольтера, Руссо, Толстого, А. Франса. Высокую оценку французскому писателю дал А. М. Горький, установив в своей статье «Об Анатоле Франсе» продолжение идей Монтеня Вольтером. Современному читателю близким оказывается гуманизм писателя, его терпимость, которую он сумел сохранить в эпоху крайнего религиозного фанатизма и жестокости.

Реалистические традиции «Опытов», стремящихся раскрыть жизнь во всем ее разнообразии и сложности, обнаружить противоречивость и разрушительность буржуазного прогресса, окажут влияние на творчество Мольера, Лафонтена, Лабрюйера.

Нашей эпохе социальных революций, перехода общества на новую ступень развития, космических полетов, возрастающей ответственности за судьбы человечества, всей планеты, за мир на всей Земле созвучны и понятны многие мысли и взгляды этого писателя второй половины XVI века, в годину фанатизма и отчаяния выступившего против всех форм гасилия, в защиту гуманизма, разума, веры в человека.

ЧТО ТАКОЕ «ОПЫТЫ»

Книга Монтеня первоначально замышлялась им как сборник выписок из прочитанного и более или менее развернутых комментариев к этим записям. Исходным пунктом жанра «Опытов» были те замечания, которые писатель оставлял на полях произведений Сенеки, Плутарха, Горация, Тацита, Цицерона, Вергилия, Овидия. Постепенно с течением времени цитаты отодвигались на второй план, основное значение приобретали комментарии и оценки. Кроме того, в произведение все больше и больше входит жизненный опыт писателя, он начинает охотнее писать о себе, о том, что было им пережито или узнано. Но все же первоначальный замысел наложил свой отпечаток на характер последующего более глубокого раскрытия личности писателя, которое всегда имеет конкретный, «казусный» характер, иллюстрируется многими случаями, примерами из прочитанных книг. Монтеню совершенно чуждо абстрактное философствование; каждый, даже самый, казалось бы, отвлеченный психологический поворот имеет какой-либо конкретный повод.

Таким образом, произведение не сразу приняло ту форму и тот вид, в котором оно известно читателю следующих столетий. Создание «Опытов» — один из примеров порою случающихся в истории литературы очень существенных трансформаций произведения в процессе работы над ним. Часто это происходит с авторами «одной книги», над которой они работают всю свою жизнь. Во французской литера-

туре известны и иные подобные случаи, например, расширение задуманной классиком XX века Марселем Прустом статьи «Против Сен-Бёва» и превращение ее в огромный роман-поток «В поисках утраченного времени», а также развертывание «Характеров» писателя XVII века Лабрюйера, которые были вначале замыслены только как переводы «Характеров» греческого писателя Теофраста, в оригинальное произведение: с каждым последующим изданием «Характеров» оригинальная часть книги расширялась, переводы же из Теофраста отодвигались и вытеснялись в приложения.

«Опыты» выдержали несколько изданий, которые существенно отличались друг от друга. Однако неизменным осталось одно: свободная композиция, позволяющая автору как непринужденно излагать свои мысли, так и перифразировать целые страницы Тацита, Сенеки, Горация, Плутарха и других авторов. Впервые Монтень принялся за работу 28 февраля 1571 года, в день, когда ему исполнилось тридцать восемь лет. В конце 1579 и начале 1580 года он объединяет все опыты и публикует их в двух книгах, первая из которых состоит из 57 опытов, а вторая из 37.

В главах, написанных в эти первые годы работы, писатель почти ничего не рассказывает о себе лично, это наиболее «компилятивные» главы. Читателя, начинающего знакомство с «Опытами», поражает в этих главах количество назидательных рассказов, широко в то время известных и иллюстрирующих правила, постулаты, истины античной морали и философии. «Всем, вплоть до малых детей, известен следующий рассказ», — пишет Монтень и затем рассказывает о некоем финикийце, которого муки совести заставили раскрыть тайну убийства им своего отца, за что он и понес наказание. Этот рассказ Монтень приводит для иллюстрации темы «О совести», а затем дополняет его еще многими примерами. Многие главы первой книги «Опытов» («Различными средствами можно достичь одного и того же», «Наши чувства устремляются за пределы нашего «я», «О быстрой и медленной речи», «Вправе ли комендант осажденной крепости выходить из нее для переговоров с противником») сохранили также и во всех последующих изданиях, несмотря на многие дополнения, тот же характер иллюстраций к отдельным тезисам. Поэтому первоначально художественная манера писателя представляла относительно безличную фиксацию разных заниматель-

ных случаев и фактов, почти не сопровождающихся достаточно развернутым осмыслением, характерным для более поздних изданий.

Таким образом, первое издание, над которым писатель работал около девяти лет, было выдержано в очень в то время распространенном жанре комментированных компиляций. Эти питательность и книжность, скованность необходимостью считаться с тем, что по этому поводу уже было сказано раньше, определялись всей господствующей в средневековой методологией: идти от общего, уже известного к частному, конкретному. Целью философов и писателей было часто не выразить собственное мнение, не внести личный вклад в открытие истины, а передать уже давно известное, подтвердить истину примерами все большего числа авторитетов.

Однако за последующие 7—8 лет стиль и жанр произведения существенно изменяется. Неподвижность и заданность тематики, скованность цитатами и уже кем-то когда-то сказанным становятся гораздо менее заметными, большее значение приобретают собственные суждения. В 1588 году выходит издание, где делается 600 существенных добавлений и, кроме того, пишется третья книга, по жанру отличающаяся от первых двух, вышедших в 1579—1580 годах. Здесь Монтень уже в основном говорит о себе, структура его произведения становится свободнее, заглавие того или иного «опыта» зачастую лишь отдаленно напоминает о содержании.

Наконец, после 1588 года Монтень в течение следующих нескольких лет, вплоть до своей смерти в 1592 году, почти на треть расширяет все три книги. Третье издание выходит в свет через три года после его смерти — в 1595 году. Эта редакция выдерживается в целом в том же жанре, что и вторая: писатель все дальше отходит от канонов средневековых комментированных компиляций, он еще больше говорит о себе, добавляет в текст многие вставки, повествующие о всевозможных случаях из своей личной жизни, рассказывает интимные подробности своей биографии, которых мало было во второй редакции и которые почти совсем отсутствовали в издании 1580 года.

Сам писатель признавался, что его «Опыты» были своего рода постальгией по абсолютной коммуникации, идеальной

дружбе, которую он утратил со смертью своего друга Ла Бозси. В какой-то мере их можно воспринять как несостоявшуюся переписку с Ла Бозси, этим во многом объясняется разговорный тон и свободная структура повествования. Но как бы ни оценивать и определять жанр «Опытов», их, несомненно, следует считать произведением поэтическим. Это лирика в прозе, в какой-то мере выдержанная в жанре лирических медитаций, идущих еще от древних, но разрабатываемых писателем по-своему.

В самом начале главы XXVIII книги 1-й говорится о том, что замысел произведения возник у писателя в тот момент, когда он наблюдал за приемами одного знакомого живописца, который выбирал место посредине стены, помещал на нем мастерски написанную картину, а пустое пространство вокруг нее заполнял гротесками, разнообразными и причудливыми фантастическими рисунками. Он сравнивает с этими рисунками свою книгу, которая представляет, по его мнению, «диких животных», составленные из разнородных частей, без четких очертаний и соразмерности. Что касается мастерски написанной картины, то он задумал использовать для этого трактат своего друга Этьена де Ла Бозси «Добровольное рабство», но вследствие того, что это произведение было поднято на щит гугенотами в их борьбе против католиков, отказывается от своего намерения и вместо вышеупомянутого трактата помещает в следующей главе двадцать девять сонетов Ла Бозси, которые печатаются во всех изданиях, выходящих при жизни писателя; и только незадолго до смерти, работая над новым изданием, Монтень изымает их.

Поэтический характер «Опытов» также очень хорошо иллюстрируется историей одной из их интерпретаций, сделанной в начале XVII века учеником Монтеня Пьером Шарроном, решившим написать систематическое изложение идей и взглядов Монтеня. Шаррон был искренне уверен, что «Опыты» — произведение неудавшееся, сумбурное, бесформенное и для того чтобы спасти его «суть», идеи, которые привлекали Шаррона больше всего, он с чистой совестью «совершенствует» произведение Монтеня, отфильтровывая его идеи, убежденный в том, что «Опыты» очень скоро будут забыты и идеи этого произведения сохранятся для последующих поколений только благодаря его, Шаррона, исправлениям. Но Пьер Шаррон лишил «Опыты» их главно-

го достоинства — ренессансного богатства восприятия мира, языческой образности, народной красочности. В этом препарированном виде, систематическом пересказе и методической обработке идей, несмотря на многие сохранившиеся выражения и образы, теряется непередаваемое и неповторимое обаяние, художественная уникальность «Опытов». Подобная «философская» интерпретация сослужила, конечно, и свою пользу, систематизируя в известной степени мысли французского писателя, способствуя их популяризации в среде ученых и философов. Именно поэтому многие положения его философии дошли до некоторых ученых только в передаче Шаррона: философ-материалист Гассенди, например, оценивал последнего выше, чем Монтеня, свободная, не систематизированная форма которого была ему мало доступна. Но с самими «Опытами» произведение Шаррона не имеет ничего общего.

Чтобы понять это, достаточно сравнить хотя бы несколько отрывков из книги Монтеня и соответствующие переложения Шарроном. У Монтеня: «Обратим взор свой к земле, на бедных людей, постоянно склоненных над своей работой, не ведающих ни Аристотеля, ни Катона, никаких философских поучений: вот откуда сама природа каждодневно черпает примеры твердости и терпения, более чистые и более ясные, чем те, которые мы так любознательно изучаем в школе».

У Шаррона: «И если внимательно поищем, то среди крестьян и других бедных людей, найдем примеры терпения, постоянства, уравновешенности, более совершенные, чем те, которые мы изучаем в школе».

У Монтеня: «Некто, увидев в разгаре зимы одного из наших нищих, который, не имея на себе ничего, кроме рубашки, чувствовал себя все же не хуже, чем тот, кто закутан по самые уши в куний мех, спросил его, как он может терпеть такой холод. «Ну а вы, сударь, — ответил тот, — ведь и у вас тоже лицо ничем не прикрыто. Вот так и я — весь словно лицо».

У Шаррона: «Один нищий, у которого спросили, как ему не холодно ходить раздетым зимой, ответил, что мы и сами оставляем лицо открытым, а он как бы весь одно лицо».

Жанр свободных лирических размышлений — медитаций позволяет автору объединять самые разнородные темы

и сюжеты. Вот названия некоторых глав: «О праздности», «Об обычае носить одежду», «О возрасте», «О запахах», «Об одном уродце», «Против безделья», «Об именах», «Всякому овощу свое время», «О парфянском вооружении», «О бережливости древних», «О том, что философствовать — это значит учиться умирать», «О педантизме», «Об искусстве беседы», «О хромых», «О сне», «О пьянстве», «О родительской любви».

Очень характерна та роль, которую в произведении Монтеня играют цитаты, в основном с латинского языка, которых очень много и которые должны были бы утяжелять произведение. Однако этого не происходит. Цитаты, которые иногда занимают до полустраницы, отнюдь не раздражают читателя и не мешают ему, они оказываются в книге скорее украшением, чем подтверждением, доказательством сказанного, мало к чему обязывают автора, равно как и названия глав, которые порой лишь частично совпадают с содержанием.

Именно высокое художественное совершенство наравне с гуманистическими и прогрессивными идеями обусловили распространение «Опытов» среди читателей всех стран мира и влияние их на развитие мировой литературы.

ИСТОРИЯ И ЛИЧНОСТЬ

Дворянская фамилия де Монтень стояла прадеду писателя, Рамону, всего 900 франков. Он принял ее по названию приобретенного им в 1477 году замка Монтень, расположенного в провинции Перигор, недалеко от Бордо. До этого семья носила фамилию Эйкем, которая у жителей Бордо прочно связывалась с запахом соленой рыбы: Рамон Эйкем был почтенным и всеми уважаемым торговцем. Благоприобретенным владением своим он совсем не пользовался, с годами замок все более приходил в запустение и лишь внук Рамона, Пьер Эйкем, отец Мишеля, начал его вновь отстраивать и укреплять. И перед удивленным путником, оказавшимся по воле судьбы в широко раскинувшихся перигорских ландшафтах, вдруг выстало и начинало быстро приближаться здание, окруженное толстыми башнями и стенами: широко известный в то время оплот культуры, гостеприимства — Пьер

Эйкем давал приют всем гопимым и преследуемым и помогал им эмигрировать за границу.

Отец будущего писателя был первым в семье, кто окончательно порвал с торговлей и предпочел ей военную карьеру. Он участвовал в итальянских походах Франциска I и стал страстным почитателем итальянского Возрождения, начавшегося, как было уже сказано, гораздо раньше, чем французское. Он собирает прекрасную библиотеку, окружает себя виднейшими учеными, писателями, гуманистами. Вернувшись из походов, Пьер Эйкем решает сменить шпагу на перо и со свойственной ему страстью отдается административной деятельности, что, по мнению его сына, основательно приблизило дни его кончины. В конце его жизни дом Эйкемов стал одним из самых известных и уважаемых в ближайших провинциях.

Эпоха Ренессанса, помимо изменений социального, научного, географического плапа, характеризовалась также радикальными изменениями в области религии. Протестанты, люди, боровшиеся за реформы в религии (во Франции они также назывались кальвинистами или гугенотами, что происходит от пемецкого слова Eidgenossen, что значит — товарищи по клятве), утверждали, что человек не должен верить, слепо следуя необъяснимому никакими доводами разума откровению. Они полагали, что и такие явления, как вера, священное писание, само существование бога могут быть и должны быть объектами исследования, эксперимента, опыта. Таким образом, на первое место выдвигается разум, факт, эксперимент, а не авторитет или непосредственная, детская, слепая вера. Возникает возможность отношения к различным религиям как к объектам исследования, возможность сравнительного изучения ислама, буддизма, христианства, язычества.

Все эти изменения приводят к появлению элементов рационального, экспериментального объяснения мира, к отрицанию за римской католической церковью исключительного права интерпретировать библию и евангелие — теперь это могли и должны были делать философы, ученые, исследователи, которые относились к ним уже не только как к чуду, к «слову божью», а превращали зачастую их в объект научного анализа. В конечном счете такие взгляды открывали путь к атеизму. Само слово это возникает как раз в 40—

50-е годы, сначала получив распространение на греческом, а затем на латинском и французском языках.

Вначале движение протестантизма и реформации было прогрессивным явлением, так как способствовало распространению свободолюбивых идей. Но позднее оно становится столь же нетерпимым к инакомыслию, как и ортодоксальное католичество. Гугеноты, или протестанты, во Франции оказываются столь же непримиримыми по отношению к своим противникам, как и сторонники непогрешимости папы римского. И к тому времени как Монтень достиг зрелости, ожесточение обеих сторон вступило в свою очередную фазу. Мальчику еще не было пятнадцати лет, когда он оказался свидетелем жестокого подавления восстания в провинции Гиень, что сразу вырвало его из мира иллюзий и утопий и столкнуло с жестокой действительностью. Он видел, как людей по малейшему подозрению в инакомыслии сотнями предавали пыткам, четвертовали, обезглавливали, вешали, слушал стоны истязуемых и звон цепей, гулко раскатывающийся по узким городским улицам. «Огненная палата», созданная для борьбы с реформацией, жгла гугенотов, гугеноты жгли католические церкви и мстили даже мертвецам, разоряя и оскверняя гробницы.

События, свидетелем которых оказался Монтень, давали мало оснований для оптимизма. В бесчеловечности и жестокости одна сторона не уступала другой, вода в реках порой становилась непригодной для питья из-за огромного количества сбрасываемых в них трупов. Вооруженные банды грабили замки и путников независимо от того, были ли они католиками или протестантами. Путешествовали только в сопровождении вооруженной охраны и во время остановок вынуждены были расставлять стражу.

Война стала для многих ремеслом, многие на всю жизнь остались отравленными ее трупным дыханием. Казалось, что не существует больше никаких гарантий безопасности и ни на кого нельзя найти управу. Человеку, воспитанному в лучших традициях гуманизма Возрождения, трудно было не поддаться самым пессимистическим настроениям, отделаться от мыслей бежать куда глаза глядят.

Анархия и хаос, господствующие в это время, во многом явились следствием временного ослабления королевской власти, имевшей в ту историческую эпоху прогрессивное зна-

чение (при жизни Монтеня правили Генрих II (1547—1559), Карл IX (1560—1574), которым фактически руководила его мать Екатерина Медичи, и Генрих III (1574—1589). Наиболее экстремистски настроенная часть католического дворянства сплотилась в «Лигу» под началом Генриха Гиза (прозванного «Меченым» (*balafgré*) из-за шрама на лице), претендующего на французскую корону вместо занимающего престол бездетного Генриха III, последнего представителя династии Валуа. С другой стороны, южная часть Франции (в том числе и родина Монтеня Бордо), возмущенная резней, учиненной католиками в Варфоломеевскую ночь, практически почти отделилась, образовав гугенотскую федеративную республику. Главой этой республики, создание которой поставило Францию на грань раскола на два государства, стал Генрих Наваррский (будущий король Генрих IV).

Трудно сказать, какая из двух партий была более оппозиционно настроена по отношению к абсолютистскому режиму: враги его из католического и протестантского лагеря часто оказывались на грани союза между собой. Многие католики при дворе Генриха III проявляли явное недовольство близорукостью и самодурством политики этого короля и переходили на сторону главы ультракатолической Лиги Генриха Гиза Меченого или же начинали тяготеть к своему иповерцу Генриху Наваррскому. Был даже момент, когда общая неприязнь к Генриху III едва не сблизила вождей двух основных партий, Генриха Наваррского и Генриха Гиза. Для будущей истории этот политический шаг был примечателен еще и тем, что в результате его состоялось знакомство Генриха Наваррского и Монтеня, так как последний присутствовал при этой встрече в качестве посредника.

Все же в лагере католиков существовала довольно влиятельная партия так называемых «политиков», сторонников сильной централизованной власти и религиозных компромиссов. Среди этих противников экстремизма и нетерпимости находились канцлер М. Лопиталь, Боден, поэт и переводчик Ла Бюсси. К этой партии тяготел и Монтень. «Политики», сами будучи католиками, поддерживали наследственные притязания вождя протестантов Генриха Наваррского, по их мнению, единственного из членов королевской семьи, кто мог возвыситься над фанатизмом религиозных распрей и примирить врагов во имя национального единства.

Решающим фактором прекращения тридцать лет продолжавшихся войн и смут в конечном счете оказался народ — мелкая буржуазия, ремесленники и крестьяне—равно как и сто пятьдесят лет назад, когда он, вдохновленный Жанной д'Арк, освободил страну от иноземцев-англичан. Дворянская католическая Лига, до того как она стала получать поддержку городской буржуазии и крестьянства, не имела никакого влияния и не оказывала решающего воздействия на события. Она превратилась в большую силу и смогла противопоставить себя гугенотской федеративной республике только тогда, когда народ, озобленный королевскими поборами, стал союзником Гизов и Лиги, в которых он ошибочно видел защитников своих интересов.

Узел тридцатилетних противоречий, казалось, завязанный намертво и навсегда, был разрушен, как только народ, убедившись в том, что Лига преследует свои эгоистические сословные интересы, перестал ее поддерживать.

Вскоре после этого Генрих III, а затем Генрих Гиз погибают от рук убийц. Из трех Генрихов остается только один, Генрих Наваррский, основатель новой династии Бурбонов.

Генрих IV, оправдывая возлагаемые на него надежды всех патристических сил страны, приступает к умиротворению Франции, столкнувшись с двумя основными противоборствующими силами: с восстанием народных масс и с сопротивлением значительных слоев католиков, которые продолжали противодействовать его коронованию до тех пор, пока он, произнеся свои ставшие знаменитыми слова «Париж стоит мессы», не принял католичество (отслужил мессу).

Но Монтеню не суждено было увидеть свою страну единой и умиротворенной. Он умер от каменно-почечной болезни четыре года спустя после коронации Генриха IV, который его очень ценил, постоянно с ним переписывался и прислушивался к его советам.

Таковы были общественные и исторические условия, в которых складывалось мировоззрение Монтеня, они оказали влияние на его философские и политические взгляды, определили характер его творчества.

Вполне вероятно, что отец Мишеля, довольно образованный для своего времени дворянин, познакомился с вышедшей в 1533 году книгой Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль»

и имел представление об утопическом Телемском аббатстве, основанном на принципах добра и гуманности. Во всяком случае воспитание маленького Мишеля осуществлялось почти по правилам жизни этой фантастической организации, созданной воображением титана французского Ренессанса. Детство его скорее походило на сказку, чем на реальную жизнь того времени.

Когда Мишелю исполнилось три года, в замок были приглашены трое знаменитых в то время немецких ученых-латиниста и в перигорском замке начался один из самых интересных из всех известных в истории экспериментов по обучению латинскому языку. Эти преподаватели должны были разговаривать с Мишелем только по-латыни, а если обращаться к ребенку приходилось слугам, матери или самому отцу, то они предварительно должны были проконсультироваться у учителей. Создалась игровая обстановка искусственной языковой среды. «И без всяких ухищрений, — писал Монтень, — без книг, грамматики и каких-либо правил, без розог и слез я постиг латынь, такую же безупречно чистую, как и та, которой владел мой наставник, ибо я не знал ничего другого, чтобы портить и искажать ее». Латинский язык стал, таким образом, родным языком писателя и в течение долгого времени своей жизни он предпочитал читать книги, написанные по-латыни, а не по-французски. И в минуты страха и удивления ему приходили на память не французские, а латинские восклицания и междометия. Если бы основное время написания «Опытов» приходилось не на 70—90-е годы, а на более ранний период, то весьма вероятно, что произведение Монтеня нужно было бы, подобно «Похвале глупости» Эразма Роттердамского, переводить не с французского языка, а с латинского.

Однако отца будущего писателя заботило не только приобретение ребенком положительных знаний, в частности изучение языка, являющегося в то время ключом ко всякому образованию, но также и общее воспитание его характера и формирование личности. Были созданы все условия для того, чтобы воспитанник мог свободно следовать своим наклонностям и желаниям. Девиз обитателей Телемского аббатства «Делай, что хочешь» пришелся как нельзя впору для той обстановки, которая складывалась в замке. Ничто не должно было подавлять волепроявления ребенка, не допу-

скались даже малейшие резкости ни со стороны воспитателей, ни со стороны слуг, родственников и знакомых. Однажды один из наставников высказал мысль о вредности внезапного утреннего пробуждения ребенка и с тех пор Мишель каждое утро стал просыпаться под звуки флейты и скрипки для того, чтобы процесс пробуждения совершался мягче и спокойнее. Подобного воспитания не получил ни один отпрыск самых могущественных монархов Европы того времени.

Такое обучение продолжалось до шести лет и оказало огромное влияние на характер будущего писателя, который чувствовал антипатию ко всякого рода крайностям, обладал обостренным чувством собственного достоинства и свободы в такой степени, что это невольно внушало глубокое уважение даже людям, видящим его в первый раз.

Шести лет Мишель был отдан в коллеж в Бордо, который он окончил досрочно, почти не углубив своих знаний и только, по собственному признанию, испортив свою латынь. Своей эрудиции он был обязан во многом самообразованию, чтению латинских и греческих авторов. Некоторое время будущий писатель изучает право, готовя себя к карьере юриста, обычпой для выходцев из «дворянства мантин».

В двадцатипятилетнем возрасте Монтень оказывается, в значительной мере по настоянию и воле своего отца, на правительственной службе, став советником парламента города Бордо. Вскоре после этого он женится, скорее чтобы соблюсти «нравы той страны, где ты живешь» (одно из самых нерушимых правил жизни писателя), чем по зову чувства и сердечной склонности. Из пяти детей, родившихся от этого брака, в живых осталась только одна дочь.

Парламенты в то время выполняли в основном юридические, судебные функции. Но молодой Монтень очень рано стал тяготиться своей службой и средой. Судебное законодательство было крайне хаотичным, законов было много, и все они противоречили друг другу. Монтень был также удручен произволом и продажностью, ставшими обычными и повседневными при проведении судебных процедур. Он решительно выступает против широко практиковавшихся продаж государственных должностей. В 1571 году он отказывается от работы в качестве советника бордоского парламента и уединяется в своем замке, где в угловой башне (которая сохра-

нилась до настоящего времени и которую и сейчас показывают туристам как достопримечательность провинции Перигор) устраивает себе обитель-библиотеку и живет среди своих любимых книг.

Это «служение музам» вдали от предательских убийств и бесконечных заговоров в какой-то мере было своеобразным протестом против братоубийственной резни, протестом, хотя и недостаточно, может быть активным, но все же довольно определенным. Несмотря на то что писатель всю жизнь старался как можно меньше сковывать себя обязательствами всякого рода, он не оставался равнодушным наблюдателем происходящих вокруг него событий. Несправедливость всегда вызывала его возмущение, хотя его целью не было такое активное противодействие злу, как у Шиллера или Байрона. Дело в том, что он не видел никаких реальных сил, которые могли противостоять злу, и поэтому сохранял позицию «над схваткой», будучи твердо уверен, что никакие даже самые трагические события не властны над человеком и не могут его сокрушить, пока он сам не позволяет этого сделать; они могут лишь скользить по поверхности, не задевая основных жизненных центров; никакое даже самое массовое безумие не может овладеть человеком, сохраняющим разум и ясность ума.

Нравы того времени, когда создавались «Опыты», казались вывернутыми наизнанку правами Телемского аббатства и воспитателей молодого Мишеля. Пробуждение под флейту — и злодеяния Варфоломеевской ночи, призыв следовать естественным движениям, импульсам — и мрачный, непримиримый фанатизм крайних представителей враждебных партий — все это было слишком несовместимо, противоречило одно другому и побуждало писателя к той форме протеста, проявления своей личности, которая была ему доступна. До самых последних дней он сохранял внутреннюю свободу, острое беспокойство за судьбу своей страны и способность реалистически и трезво оценивать самые сложные ситуации.

ХУДОЖНИК И ВРЕМЯ

Творческая деятельность Монтеня приходится на конец 60-х годов и заканчивается в конце 80-х. Расцвет француз-

ского Ренессанса, ведущими представителями которого были поэты Плеяды (П. Ронсар, И. дю Белле, Байф и другие, всего семь, отсюда и название по количеству звезд в созвездии Плеяда) и Франсуа Рабле, остался в прошлом. Заслуга этих писателей и поэтов состояла в том, что они ощутили живой пульс, непосредственную жизнь античной культуры. Конечно, и в средние века, до Ренессанса, поэты и писатели обращались к классической литературе, мифологии, науке. Но то, что было свойственно собственно античности, при этом пропадало. Так, например, Вергилий рассматривался в качестве предшественника отцов церкви, а «Метаморфозы» Овидия интерпретировались как символическое повествование о таинствах христианской церкви. Христианство оказывалось, таким образом, тем ключом, которым предлагалось отомкнуть все тайники и кладези древней культуры, в то время как у этой культуры была своя душа.

Поэтому античность превращалась в застывшую догму, выхолащивалось ее собственное, живое, не привнесенное современной интерпретацией содержание. Отсюда происходила жесткая каноничность художественных стилей предренессансного времени, в частности стиля так называемой риторической поэзии. Литература французского Возрождения должна была покончить с подобной «привнесенной» античностью и возродить античность живую, подлинную. И хотя ключом к античной литературе оставалась ученость, она была теперь лишь средством для познания, освоения живых пластов эллинской и латинской культуры.

Изменилось и отношение к художественным стилям, жанрам. В первой половине XVI века возникает множество самых различных жанров. Увидели свет малые формы естественной, непринужденной, но не поднимающейся до отвлеченного осмысления поэзии Клемана Маро, получила признание «высокая» поэзия Ронсара, его оды, гимны, им была даже предпринята попытка создать героическую эпопею «Франсиада». Наконец, неслыханную популярность приобрело произведение Рабле, удивительное по синтезу, соединению глубочайших пластов народной литературы с ярчайшей творческой индивидуальностью.

Этому времени чуждо размежевание стилей, сама античность воспринимается не как некий регулирующий принцип, а скорее как открытие в мире еще одного измерения, как

обнаружение новых связей со старым: культурная традиция оказывалась живой и непрерывающейся. Ближайшая действительность во многих произведениях художников этого времени может соединяться с самой невероятной фантастикой, сухие, бесконечные перечисления — с безудержным вдохновением, непристойные рассказы и анекдоты со строжайшей моральной назидательностью. Художники раскрепощали человеческое мироощущение, человек вступал в контакт с миром прямо, без опосредования заранее принятыми схемами и догмами.

Жанр мемуарной, эссеистской литературы во Франции середины и конца XVI века получил довольно широкое распространение. Таковым было, например, «Исследование о Франции» Этьена Пакье, произведение, представляющее отдельные статьи на самые разнообразные темы.

Известны были также мемуарные сочинения Пьера де Брантома, бытописателя французского общества конца XVI века, художника, умеющего дать запоминающиеся портретные характеристики многих аристократов, царедворцев того времени. Отличаются своими красочными, живыми описаниями очерки маршала Блеза де Монлюка, человека гуманного и терпимого, одного из близких знакомых Монтеня. Замечательная наблюдательность, трезвый, все схватывающий взгляд человека большого жизненного опыта придают запискам Монлюка ценность и по сей день.

В этот довольно сложный мир произведений 70—90-х годов «Опыты» вписываются самым естественным образом, превосходя все их при этом своей универсальностью и художественными достоинствами. «Опыты» по своей значимости вполне можно поставить в один ряд с гениальным творением Рабле. Только вместо раблезианской яркости, страстности и оптимизма в них много осторожности, недоверия, сдержанности. Щемящая ностальгия, тоска по только что ушедшей ренессансной цельности и универсализму постоянно преследуют писателя. Это одна из сквозных тем многих глав «Опытов».

Шла другая эпоха, рассчитанными стали движения и жесты, наступало время бюргерского практицизма, «золотой середины», гармония стала поверяться алгеброй; на двадцать втором году жизни Монтеня родился поэт Малерб, которому суждено будет стать врагом индивидуализма и субъек-

тивной эмоциональности поэтов Плеяды и одним из основоположников классической логической дисциплины и четкой организации поэтического материала.

Конечно, эстетика классицизма имеет свои достоинства, она дала миру такие шедевры, как драмы Ж. Расина и роман де Лафайет «Принцесса Клевская». Но по своему характеру она была совершенно иной, чем эстетика эпохи Возрождения, равно как и галантный, рассудочный век Людовика XIV, кульминационный пункт французского классицизма, не был похож на время относительно еще патриархальных нравов Франциска I, которым гораздо больше по духу были «необыкновенные приключения» доброго великана-короля Гаргантюа и его компании.

Такова, в общем и целом была литературная ситуация, когда 28 февраля 1571 года Монтень решает отойти от участия в общественных делах и уединенно поселиться в своем замке, к этому времени уже достаточно восстановленном его отцом. Об этом он так сообщает в одной из надписей, выгравированных в его кабинете на балках потолка: «В год от Р.Х. 1571, на 38 году своей жизни, в день своего рождения, накануне мартовских календ (в последний день февраля) Мишель Монтень, давно утомленный рабским пребыванием при дворе и общественными обязанностями и пахотясь в расцвете сил, решил скрыться в объятиях муз, покровительниц мудрости; здесь в спокойствии и безопасности он решил провести остаток жизни, большая часть которой уже прошла».

Конечно, это уединение было относительным и продолжалось оно около 8—9 лет: в 1580 году Монтень предпринимает путешествие в Италию, результатом чего оказывается его дневник, опубликованный лишь в 1774 году; он много раз бывает в Париже. Уединение Монтеня в основном означало временное, вынужденное отстранение его от участия в общественных делах. В эту пору напряженность между враждующими партиями усиливается. Канцлер Лопиталь, поэт-меценат и государственный деятель, придерживающийся умеренной политики, оказывается в опале и поселяется в сельской местности. Карл IX и его мать Екатерина Медичи после некоторого колебания переходят к самой решительной борьбе с протестантизмом.

Лично Монтеню преследования не грозили, партия, к ко-

торой он формально принадлежал, одерживала верх, но по мере того, как это происходило, он все больше и больше фактически отдалялся от нее: ему чужды были погоня за местами, карьеризм и честолюбивые помыслы. Он неоднократно признавался, что начинает сочувствовать побежденным не потому, что симпатизировал их взглядам — протестантизм всегда отталкивал писателя своей моральной суровостью, нетерпимостью и ожесточением, — а поддаваясь чувству естественной справедливости и жалости к более слабому.

Монтень был, по его собственному признанию, небольшой поклонник радостей сельской жизни. Всю жизнь его гораздо больше тянуло путешествовать, чем вести затворническое существование: дым отечества рассеивался для писателя сразу, как только он переступал его пределы. В чужих странах он не чувствовал себя представителем своей культуры: его сразу же втягивала другая жизнь, другая среда, другая культура. Таким образом, уединение это никак не следует объяснять тягой к патриархальности, к земле. Это было прежде всего следствием желания уйти от бесконечных интриг, тщеславия, коварства. Это отречение от мира — определенный этап становления личности, продолжение развития индивидуализма, которому в эпоху упадка Ренессанса ставились жесткие рамки. Личность уже не могла с такой безудержностью, как во времена Ронсара и Рабле, предаваться своим химерам; ей оставались на долю более «тихие игры».

Ренессансное познание действительности для многих художников оказалось познанием «зла мира». Прогресс науки и техники, бурное развитие капитализма не смогли воспрепятствовать кризису гуманизма, они только больше усугубляли его, знание стало утрачивать свои качественные характеристики за счет преобладания количественных.

Великие идеи, рожденные человеческим разумом, продолжали развиваться, но порой принимали фантастические и утопические очертания; даже самые искушенные умы не всегда оказывались свободными от воздействия астрологии, каббалы, магии, открытия Кеплера и Коперника связывались и сопоставлялись у них с музыкой «небесных сфер». У Монтеня также порой наблюдается тяготение к редким фактам, курьезам, раритетам, ко всему причудливому, все-

возможной экзотике, распространяющейся вследствие паводнивших Европу многочисленных книг о путешествиях эпохи великих открытий. Однако оно не приобретает у него мистической направленности.

Кроме того, подобная фактография играет у Монтеня почти ту же роль, что и у Рабле. Он, конечно, гораздо больше аналитик и рационалист, чем Рабле. Но он еще способен сам удивляться своим рассказам, заражаясь ими со всем восторгом и доверием. В разностильном и разножанровом потоке монтеневского повествования отчетливо бьют ясные и прозрачные струи фольклорных источников, в рассказ зачастую вклиниваются мотивы простодушной народной фантастики. Именно этим, а не слабостью к предрассудкам объясняются многочисленные ссылки на малоправдоподобные факты и случаи, в большом количестве приводимые многими учеными и путешественниками второй половины XVI века.

В какой-то мере в произведении Монтеня, очевидно, присутствуют элементы игры, мистификации, что также встречается и у Рабле, когда писатель начинает засыпать читателя точными датами, цифрами, деталями, целые страницы порой заполняя подробными перечислениями несуществующего. Эти точные факты в какой-то степени предвосхищают романы французского писателя Анатоля Франса, многочисленные цитаты и ссылки в произведениях которого порой не выдерживают строгой проверки и нужны лишь для создания колорита повествования.

...НИЧТО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ МНЕ НЕ ЧУЖДО

Весна 1571 года была поворотным моментом в жизни Монтеня. Решив оставшееся ему время посвятить «свободе, покою, досугу», он углубляется в чтение книг своей очень большой по понятиям того времени библиотеки. В зимние холода, когда кабинет не отапливался, писателю приходилось перебираться в помещение самой библиотеки и работать здесь, в окружении своих любимых авторов, из которых наибольшее предпочтение он отдавал стоику Сенеке и историку Плутарху.

К Сенеке пристрастил Монтеня уже много лет назад его друг Ла Бюэси, талантливый публицист и поэт, автор трактата «Рассуждение о добровольном рабстве», проникну-

того антитираническим пафосом, прославлявшего героев Рима времен республики. Тирания, по мнению Ла Бозси, зиждется на неспособности людей избежать «добровольного рабства». В своем произведении, известном у современников также под названием «Против единого», Ла Бозси утверждает, что тирания возможна только в той мере, в какой люди оказываются готовыми продать свою свободу за зрелища, театры, бои гладиаторов, медали и прочие приманки и блага массового сознания, которыми их прельщают диктаторы. Сила греческой демократии в том, что для древних греков свобода оказывалась высшим благом, которое они готовы были отстаивать ценой собственной жизни.

Плутарха Монтень открыл для себя после того, как Ж. Амио опубликовал свой ставший знаменитым во всей Европе перевод «Моральных сочинений» и «Жизнеописаний», который заменил греческий подлинник и переводился, в свою очередь, на другие языки. Шекспир, например, использовал перевод Амио на английский язык для своих римских трагедий. Именно через посредничество Амио античный герой оказался на страницах Монтеня, Шекспира, Корнелия, Расина, Вольтера и других писателей.

Знакомство с Плутархом в переводе Амио сыграло основную роль в решении Монтеня писать свои «Опыты» не на латинском языке, который для него, по существу, был родным, а на французском. Даже такие превосходные художники, как П. Ронсар, Рабле, историки Комминс и Фруасар, не смогли убедить его в преимуществах французского языка для выражения отвлеченных философских мыслей. Но зная отрывки из Плутарха в греческом оригинале (Плутарх входил также и в круг греческих авторов, переводимых Ла Бозси), писатель смог оценить, насколько адекватен был перевод и какая гигантская работа была проделана Амио, заново создавшим целые структуры французского языка для выражения тех понятий, с которыми ему приходилось сталкиваться. «Мы невежды, — писал он, — были бы обречены на прозябание, если бы эта книга не извлекла нас из тьмы невежества, в которой мы погрязли. Благодаря его труду мы в настоящее время решаемся и говорить и писать по-французски; даже дамы состязаются в этом с магистрами».

Превосходство Плутарха над всеми прочими историками, по мнению Монтеня, заключается в том, что он сообщает не

историю фактов, происшествий, а историю характеров, личностей. Он рассказывает о своих героях так, как если бы он сам лично их знал, в тоне доверительной беседы, повествуя о каждодневных поступках, о повседневной, обыденной жизни. Эпаминонд, Цезарь, Катон, Антоний становятся собеседниками читателя. Содержание многих глав «Моральных сочинений» Плутарха (таких, как, например, «О любопытстве», «О гневе», «О раскаянии») было близким Монтеню, оказывалось, по сути, продолжением собственного опыта французского писателя.

(Влияние Сенеки и Плутарха на Монтеня было господствующим в 1571—1580 годах, хотя эти два писателя придерживались различных взглядов: Сенека провозглашал стоицизм, борьбу со страданием, терпение, Плутарх же придерживался теории Эпикура, прославлявшего жизнь и земные блага.

Сенека много писал о человеческой мудрости, которая заключается в том, чтобы стать над страданиями и над смертью, презреть их. С учением стоиков о превосходстве разума над чувствами, прежде всего болью и страхом смерти, Монтеня сблизил во многом смерть Ла Боэси, после которой он долгое время ощущал пустоту, настолько глубоко родственными были их взгляды. Мысли о мудрости, о необходимости преодолевать страдания глубоко вошли в его сознание во время бодрствования у кровати умирающего друга и не покидали долгие годы после его смерти. Именно как застывший на многие годы отзвук этого трагического события осталась одна из самых замечательных и запоминающихся глав «Опытов» — глава XX книги 1-й «О том, что философствовать—это значит учиться умирать». Много способствовала временному усилению стоического отношения к миру также и беспокойная обстановка того времени. 70—80-е годы — время удивления в замке и создания первых двух книг — были периодом свирепой анархии и смуты. Замок был плохо укреплен, да Монтень и не желал укреплять и защищать его, полагаясь больше на защиту своего слова и поведения, чем на охрану, оружие и крепостные стены. Несколько раз ему лишь чудом удавалось избежать смерти. Стоическое учение Сенеки воспринималось им не только на фоне героической смерти самого римского ученого и художника, вскрывшего себе вены по приказу жестокого императора Нерона,

но и на фоне событий собственной жизни: сидя за книгами в кабинете своей башни, откуда перед ним далеко простиралась поросшая мелколесьем местность, он замечал вдруг вдали стремительно приближающийся столб пыли. Это могло быть как знаком радостного свидания с друзьями, так и сигналом грядущей опасности.

И все же, хотя Монтень очень внимательно читал «Письма к Луцилию» Сенеки, он никогда не был последовательным стоиком, это противоречило его темпераменту и мироощущению. «Ты можешь быть сколько угодно мудрым, и все же в конечном счете ты — человек; а есть ли что-нибудь более хрупкое, более жалкое и ничтожное? Мудрость ни сколько не укрепляет нашей природы. Человек не может не начать моргать глазами, когда ему грозит удар». Это написано приблизительно 3—4 года спустя после решения уединиться в своем замке и начать работу над «Опытами», что свидетельствует как о краткости влияния Сенеки, так и о том, что благоприобретенный стоицизм не был достаточно последовательным, в частности, он носил довольно ясно выраженный эпикурейский характер.

Таким образом, влияние Сенеки было более внешним и менее длительным, чем влияние Плутарха, которого Монтень постоянно читал до конца жизни. Оно приходилось в основном на конец 60-х — начало 70-х годов. Вот, например, строки из главы «О том, что философствовать, это значит учиться умирать» первой книги: «Лишим смерть загадочности, присмотримся к ней, размышляя о ней чаще, нежели о чем-либо другом. Будемте всюду и всегда вызывать в себе ее образ и притом — во всех возможных ее облициях. Если под нами споткнется конь, если с крыши упадет черепица, если мы наколемся о булавку, будем повторять себе всякий раз: «А что если это и есть сама смерть». Достаточно сравнить с этим отрывок из опыта «О физиогномии» в более поздней, второй, книге, где Монтень уже убеждает читателя, что жизнь при мысли о смерти становится тягостной: «Не беспокойтесь, что не сумеете умереть: сама природа, когда придет срок, достаточно основательно научит вас этому. Она сама все за вас делает, не занимайте этим своих мыслей».

Стоицизм Монтеня акцентировал роль разума и природы. Идеалом всех человеческих качеств является для писателя «добродетель», которая может быть лишь следствием

постоянного и неослабевающего усилия воли, и этим она отличается от обычной естественной доброты. Там, где человеку не нужно предпринимать усилий, вступать в борьбу со страстями, там нет «добродетели». Этот конфликт, борьба возможны только при активном участии разума, который один лишь может победить страх смерти и подчинить страсти. Такая интерпретация роли разума, человеческой воли, активности носит явно ренессансный характер и направлена против подчинения судьбе, провидению, фатальной необходимости.

Подобный стоицизм отдает в равной мере также несомненную дань уважения природе, это мировоззрение очень в большой мере характерно для людей эпохи Возрождения. «Жизнь ведет нас за руку по отлогому, почти неприметному склону, потихоньку да полегоньку, пока не ввергнет в это жалкое состояние, заставив исподволь привыкнуть к нему. Вот почему мы не ощущаем никаких потрясений, когда наступает смерть нашей молодости, которая, право же, по своей сущности гораздо более жестока, нежели кончина еле теплящейся жизни или же кончина нашей старости».

В качестве примера стоического героизма писатель часто обращается к образу Катона, столь навязчиво встающему со страниц «Писем к Луцилию» Сенеки. Самоубийство Катона Монтень считал проявлением как раз той самой «добродетели», которую он рассматривает как вернейшее свидетельство человеческой воли: поступок Катона представлял «добродетель» в самом чистом виде, без малейшей примеси честолюбия, эгоизма, своекорыстия. Больше всего французский писатель ценил в стоицизме свободное усилие человеческой воли, неограниченное проявление человеческой деятельности, расковывание внутренних возможностей человека, развертывание всех сторон характера и личности. При всем преклонении перед природой остается несомненной вера Монтеня в то, что разум, усилие могут изменить даже человеческую природу.

Очень важное качество монтеневского стоицизма — эпикурейский, материалистический характер, ему чужды жертвенность, отречение во имя потусторонних идеалов: в точном смысле слова эпикурейство отличается отнюдь не исключительно лишь приверженностью чувственным, земным радостям, а прежде всего материалистическим духом, стремле-

нием к земному, посюстороннему счастью и духовной независимости. Писатель неоднократно подчеркивал свою чувствительность к физическим страданиям, которые он переносил гораздо тяжелее, чем страдания моральные. С детства воспитанная у писателя привычка следовать малейшим склонностям своей натуры, не ограничивать себя ни в чем, оказывалась в какой-то мере обратной стороной его терпимости, неприязни к крайностям, неприятия фанатизма и жестокости.

Конечно, эпикурейство это не было лишено некоторой доли бюргерского «разумного эгоизма». Хотя монтепеский «мудрец» может вызвать у некоторых читателей определенные ассоциации с холодным олимпийским величием Гёте, нужно все же помнить, что Гёте судьба судила пройти бо́льшие испытания, и самоубийство, которым он заставил покончить своего героя Вертера, едва обошло стороной его самого. В жизни Монтеня с таким испытанием можно было сравнить разве что смерть его друга Ла Бюэси, и поэтому пресловутая «чопорность» великого классика немецкой литературы, его веймарская торжественность и внушительная орденская звезда — слишком внешние признаки схожести двух художников. Пути, которые привели их к кажущейся одинаковой «мудрости», совершенно разные: пемецкому художнику пришлось столкнуться с бо́льшими противоречиями как в сфере общественной, так и в сфере личной жизни.

Стоицизм Монтеня, таким образом, представляет собой очень сложное и противоречивое явление, он не является последовательно аскетическим и во многом ориентирован на природу, на естественное. Именно поэтому примером стоического мужества для писателя во многом оказываются простые люди, поступающие по велению своей натуры, стойко выдерживающие все страдания и беды. Цель человека — вслушиваться в природу; наиболее верное средство для человека, помогающее преодолевать стоящие перед ним трудности, — умеренность, она позволяет избегать уничтожающих личность крайностей, позволяет ей существовать в тех пределах, которые поставлены самой природой. «Сколько приходилось мне видеть бедняков, не боящихся своей бедности. Сколько таких, что желают смерти или принимают ее без страха и скорби! Человек, работающий у меня в саду, похоронил нынче утром отца или сына. Даже слова, которыми

простой человек обозначает болезни, словно смягчают и ослабляют их тяжесть. О чихотке он говорит «кашель», о дизентерии — «расстройство желудка», о плеврите — «простуда» и, именуя их более мягко, он и переносит их легче. Болезнь для него по-настоящему тяжела тогда, когда из-за нее приходится прекращать работу. Эти люди ложатся в постель лишь для того, чтобы умереть».

Монтень сочувствует народу, чья простота и естественность, по его мнению, сделаны из того же материала, из которого скроен также и Сократ, к образу которого Монтень обращается очень часто. «Разве непосредственность, по-нашему, не родственна глупости и не является пороком? Душевным движениям Сократа свойственны естественность и простота. Так говорит сапожник, так говорит женщина. На устах у него одни возчики, плотники, сапожники и каменщики. Формулы и уравнипия свои он заимствует из простейших повседневнейших человеческих действий. Каждому они понятны. Мы никогда не распознали бы в столь жалкой оболочке благородства и великолепия его философских построений, мы, считающие пошлым и низменным все не одобренное ученостью, мы способные усмотреть богатство лишь в показной пышности. Наш мир создан словно лишь для чванства: людей, надутых воздухом, кто-то подбрасывает вверх, как воздушные шары».

Отождествление высокой философской «мудрости» и народной мудрости позволяет провести параллель между людьми высочайшей просвещенности и образованности и людьми самыми простыми. Только эти две категории людей, считает Монтень, достойны уважения. «Метисы же, пренебрегшие состоянием первоначального неведения всех наук и не сумевшие достигнуть второго, высшего состояния... опасны, глупы и вредны: они-то и вносят в мир смуту». Такое же суждение высказывается и в отношении творчества: «Поэзия посредственная, занимающая место между народной и той, которая достигла высшего совершенства, заслуживает пренебрежения, недостойна того, чтобы цениться и почитаться».

Человек во плоти и крови — вот мерило и высшая ценность жизни. Целью жизни является полноценное существование, свободное удовлетворение потребностей как духовных, так и материальных. Человек должен пользоваться теми удовольствиями, которые ему даровала природа.

В качестве примера «естественной» жизни Монтень за двести лет до Руссо и Вольтера приводит жизнь туземцев Нового Света, с несколькими из которых он лично познакомился во время своего пребывания с королевской армией в Руане. Он встретил там трех индейских вождей из Бразилии, по своей собственной воле приехавших из Америки для того, чтобы поближе узнать жизнь других людей. Наивность ответов, вопросов и суждений этих детей природы вызывала у окружающих только смех, но писатель был поражен естественным здравым смыслом этих людей. Индейцы спрашивали, например, почему столько сильных, взрослых, хорошо вооруженных людей подчиняются приказам тщедушного ребенка, почему многие люди выглядят хорошо упитанными и, по видимому, обладают всеми благами, в то время как другие, голодные и обездоленные, похур и подобострастно им служат, является ли это неравенство следствием каких-то особых заслуг, невидимых и непостижимых для них, чужестранцев, а если нет, то почему последние не возмущаются и не восстают. В глазах писателя эти «дикари» приобрели величие античных героев, один из них на вопрос о том, какой властью он располагает, очертил пространство и дал понять, что командует таким количеством воинов, которые могут в нем разместиться; писатель сразу же вспомнил, что именно так считал свои войска знаменитый персидский полководец Ксеркс.

В главе «О каннибалах» первой книги Монтень проявляет интерес к особенностям социального строя, жизни и обычаев туземцев Нового Света. Противопоставляя эти нравы и обычаи порядкам, принятым у него на родине, писатель ставил целью рельефнее и четче показать недостатки и пороки последних — метод, позднее использованный также в «Персидских письмах» Монтескье.

Устройство общественной жизни туземцев, по мнению Монтеня, ближе к естественному, к первоначальному состоянию людей, не исковерканных противоестественными социальными установлениями. У этих людей нет слов, обозначающих ложь, предательство, притворство, скупость, зависть, злословие. На возражение, будто эти каннибалы убивают своих пленников, а затем жарят их и едят, Монтень отвечает: это гораздо гуманнее, чем жарить людей живыми, как то делали в его время по всей Франции и Европе. Если бес-

пристрастно с точки зрения здравого смысла сравнить обычаи «дикарей» с европейскими, то следует признать, что они естественнее и разумнее последних. «Они дики, — пишет он, — в том смысле, в каком дики плоды, растущие на свободе, естественным образом... нет причин, чтобы искусство хоть в чем-нибудь превзошло нашу великую и всемогущую мать-природу».

Он считает, что об индейцах могли бы с большей справедливостью судить античные народы. «Мне досадно, что ничего не знали о них ни Ликург, ни Платон; ибо то, что мы видим у этих народов своими глазами, превосходит, по моему, не только все картины, которыми поэзия изукрасила золотой век, и все ее выдумки и фантазии о счастливом состоянии человечества, но даже и самые представления и пожелания философии».

Монтень выражает глубокое сожаление, что замечательные достижения удивительной цивилизации Нового Света совершенно не были поняты невежественными европейцами, превосходящими туземцев Америки только грубой силой, огнестрельным оружием. По его мнению, Европа очень много потеряла из-за того, что открытие культур инков и ацтеков произошло не во время Александра Македонского или Цезаря, а в царствование Филиппа II: «Каким это было бы улучшением и усовершенствованием нашей планеты, если бы первые образцы нашего поведения за океаном вызвали в этих народах восхищение добродетелью и подражание ей и установили между ними и нами братское единение и взаимопонимание». Но из-за бессмысленной погони за золотом и перцем европейцы уничтожили цивилизацию, знания и достижения которой могли бы очень много дать и Старому Свету, избравшему путь механического прогресса, движущей силой которого стала погоня за прибылью, путь внешнего, поверхностного овладения природой. Эти предостережения Монтеня оказываются актуальными в наше время, когда установление гармонии между природой и достижениями прогресса стало важным условием выживания человека.

Писатель убежден, будто основанием для войн между индейцами является не грабеж и захват пленных, а исключительно лишь влечение к доблести. Они начинают войны якобы не для захвата чужих земель, так как природа дает им достаточно для жизни, а для того, чтобы услышать от

своего противника слово мольбы. Они требуют от пленных только один выкуп: чтобы те громко признали себя побежденными.

В главе «О средствах передвижения» разоблачается варварство и разбой завоевателей-конкистадоров, истреблявших жителей Америки, развенчивается «героизм» испанских полководцев, не сумевших справиться с почти безоружными людьми и поэтому вынужденных прибегать к обману и спекулировать на наивности и доверии туземцев. Ведь Америка, считает Монтень, была завоевана не благодаря храбрости конкистадоров и превосходству европейской культуры, а только потому, что на данном этапе цивилизация туземцев не имела возможности противостоять грубой силе, хотя обладала другими достижениями, совершенно не понятыми и не оцененными европейцами, прельстившимися только американским золотом.

Отдавая предпочтение природе и подчеркивая необходимость подчиняться ей, Монтень следовал традициям Рабле, французского гуманизма. Так же как и Рабле, он провозглашал право человека жить в соответствии с природой, выражал стремление восстановить права природы, отрицая ее так называемую первоначальную греховность.

Природа, по мнению французского писателя, должна быть также наставницей и в деле воспитания. На первом месте должно быть не накопление, аккумуляция знаний, а развитие мышления, способности суждения. В главе «О воспитании детей» воспитание оценивается как средство обнаружить, раскрыть и усовершенствовать то, что дано природой, что заложено в натуре человека. Цель Монтеня — воспитать людей естественных, честных, простых. Именно поэтому Монтеня очень любил и часто перечитывал Л. Толстой, ценивший его мысли о свободном и естественном воспитании. Воспитанник должен быть в состоянии по-своему и с разных сторон воспроизводить усвоенное. «Если кто изрыгает пищу в том самом виде, в каком проглотил ее, то это свидетельствует о неудобоваримости пищи и о несварении желудка. Если желудок не изменил качества и формы того, что ему надлежало сварить, значит, он не выполнил своего дела».

Полное представление об изучаемом предмете можно получить только с помощью практического его усвоения; надо не полагаться на авторитет, а все проверять опытом и разу-

мом. «Хотел бы я поглядеть, как Полюэль или Помпей — эти превосходные танцовщики нашего времени — стали бы обучать пируэтам, только проделывая их перед нами и не сдвигая нас с места».

Опираясь на свой детский и юношеский опыт, Монтень утверждает, что бремя знаний должно быть посильно как взрослым, так и детям, как людям искушенным и образованным, так и людям простым и непосредственным. То, что нужно ученику, должно усваиваться легко и просто. Философия, по его мнению, должна вызывать у обучающихся ей радость и удовлетворение. «Глубоко ошибаются те, кто изображает ее недоступною для детей, с нахмуренным челом, с большими косматыми бровями, внушающей страх. Кто напаял на нее эту обмазчивую маску, такую тусклую и отвратительную? На самом деле не сыскать ничего другого столь милого, бодрого, радостного, чуть было не сказал шаловливого».

В деле воспитания не может быть места догматизму, отрицающему критический подход и тормозящему развитие человеческого знания. Расширение возможностей человека, открытие ранее неизвестных сфер окружающего мира должно сопровождаться поисками таких методов воспитания и обучения, которые приводили бы к наиболее успешному овладению знаниями.

«ЧТО Я ЗНАЮ?»

Невиданное для средних веков расширение горизонта познаваемого мира имело и другие последствия. У человека разбегались глаза, рушились старые, казалось бы, павсегда укоренившиеся правила и привычки, новые понятия опрокидывали устоявшийся порядок. Нахлынувшие со всех сторон идеи и факты ломали традиционные представления. В этом наплыве бесконечных новых фактов, описаний путешествий, религий человек терялся в раздирающих его противоречиях. Одна из глав первой книги «Опытов» озаглавлена: «Безумие судить, что истинно и что ложно на основании нашей осведомленности». Это одно из первых проявлений известного скептицизма, пирронизма (по имени древнего философа-скептика Пиррона) Монтеня, считающего, что судить даже о самом достоверном следует с большой осторожностью; это бы-

ло бы неправомерным субъективным переносом наших способностей на факты и объекты природы: кто ни разу не видел реки, тот, встретив ее в первый раз, примет за океан. В век изобретения книгопечатания и открытия Америки люди каждый день встречают столько необычных вещей, что уже почти утрачивают способность удивляться. «Вспомним, сквозь какие туманы и как неуверенно приходим мы к познанию большей части вещей, с которыми постоянно имеем дело, — и мы поймем, что если они перестали казаться нам странными, то причина этому скорее привычка, чем знание».

Чтобы правильно понять суть монтеневского скептицизма, не нужно воспринимать его как оторванную от исторической эпохи философию знания вообще, гносеологию. Если подходить к французскому писателю с этой позиции, то он, действительно, оказывается чуть ли не предшественником кантовской «Критики чистого разума» и даже современного агностицизма с его тезисом о непознаваемости мира. У Монтеня не было четкой, логически выстроенной системы критики человеческого знания, как у Канта, в основе его утверждений лежало убеждение в ненадежности, изменчивости тех представлений о мире, которые складываются у человека с помощью разума. Критика Монтеня была направлена не против разума вообще, а против особенностей средневекового мышления. Его пирронизм оказывался орудием борьбы против схоластики, против абстрактной метафизики.

Средневековая схоластика (от латинского слова *schola* — школа) представляла собой систему дедуктивных знаний, не имевших выхода в опыт, в реальность. Многие историки средневековой науки передают интересный рассказ о диспуте двух схоластов, которые спорили, есть ли у крота глаза. Когда подошедший к ним садовник предложил разрешить эту проблему самым простым образом — взять живого крота и проверить, кто из них прав, — то схоласты, забыв все свои разногласия, стали дружно упрекать садовника в невежестве: ведь они спорили не о том, есть ли глаза у какого-то конкретного крота, а о том, есть ли глаза вообще у некоего абстрактного крота, крота вообще. Понятно поэтому, что схоластика могла разрабатывать абстрактные логические схемы, но не могла работать с конкретным знанием; используемый ею инструментарий, где преобладал логический способ сил-

логизмов, не мог быть орудием открытий. В повестку дня встал вопрос об изменении этой старой, отжившей свой век системы.

Сделать это было тем труднее, что схоластика опиралась на авторитет великого греческого ученого Аристотеля, создав с помощью его логики замкнутую в себе, непробиваемую систему заключений, разрушить которую можно было только извне, опираясь совсем на другие методы, которые со схолистикой не имели никаких точек соприкосновения. Во Франции эту задачу отчасти взял на себя известный философ середины XVI века — Пьер де ла Раме (по-латыни его имя писалось — Рамус), бывший преподаватель светского университета Коллеж де Франс, основанного покровительствующим гуманистам Франциском I. Рамус противопоставлял системе Аристотеля идеи Платона, получившие широкое распространение среди французских писателей и ученых XVI века. Он восставал против слепого следования авторитетам и придавал большое значение индукции, естественному, живому опыту, противостоящему формальным построениям.

Основным недостатком средневековой схоластики были не невежество, не отсутствие знания и эрудиции, а табу на любую критику, на любой новый, непредвзятый взгляд на мир, отсутствие личностной окраски и оригинальности; мысль двигалась как бы в заданной колее: чтобы разрушить и опровергнуть самые убедительные доводы, было достаточно привести текст известного и пользующегося авторитетом автора.

Скептицизм Монтеня находился в русле всего движения ренессансной мысли к освобождению от схоластики и очень близок был идеям Ульриха фон Гуттена, «Письма темных людей» которого представляют собой народную на средневековое мышление, и идеям Эразма Роттердамского, чья «Похвала глупости» отнюдь не апология невежества, а реабилитация «глупого» здравого смысла, приходящего на помощь истинному, свободному от схем и догматов знанию.

Именно в этом направлении работала мысль Монтеня, когда он в 1576 году под влиянием чтения Секста Эмпирика велел отлить медаль, изображающую два уравнишенных коромысла весов, что должно было символизировать невозможность склониться в своих суждениях к тому или иному определенному мнению. На этой медали были выбиты сло-

ва: «Что я знаю?», девиз апитичного философа-скептика Пиррона. Монтень акцентирует именно этот смысл, предпочитая его формулировке «не знаю» или «ничего не знаю», он считает, что относительно сомнения, как и обо всем остальном, не следует высказываться утвердительно. В этом же смысле надо интерпретировать и греческие изречения из Секста Эмпирика, выгравированные на самых больших балках его библиотеки: «Всякому аргументу можно противопоставить другой, равный по убедительности аргумент», «Никто не знал и не узнает ничего достоверного» и др.

Таким образом, пирронизм «Опытов» представляет собой критику старого мышления и общества и служит способом доказательства того, что разум человека обнаруживает себя в беспредельном разнообразии своих возможностей. Монтень отнюдь не отрицает всех знаний, не отказывается от познания мира и истины, скептицизм его не имеет абсолютного характера. Различие теорий, мнений, их переменчивость и непостоянство говорят о неисчерпаемости природы и мысли человека, но отнюдь не об ее бессилии. «Нелегко установить границы нашему разуму: он любознателен, жадеп и столь же мало склонен остановиться, пройдя тысячу шагов, как и пройдя пятьдесят. Я убедился на опыте, что то, чего не удалось достичь одному веку, разъясняется в следующем». В сравнении с высокомерной схоластикой, априорно, до всякого опыта устапавливающей свои силлогизмы, претендующие быть вечными, последними истинами, скептицизм Монтеня оказывается живым, боевым методом. «В начале всякой философии лежит удивление, ее развитием является исследование, ее концом — незнание».

Это сомнение по своей природе является жизнеутверждающим. Оно никогда не направлено против здравого смысла, практического, обыденного опыта. Самоуглубление и анализ писателя не приводят к нигилистическому отрицанию знания и разума, они ставят проблему создания нового знания, основывающегося на опыте, исследовании. Жизнь и деятельность человека погружена в зыбкую неопределенность, недостоверность, опыт порой оказывается ненадежным и беспомощным, мысль обречена блуждать в лабиринте. Но все же в попытках («опытах») найти истину, в разочарованиях, чреватых новым движением, в беспокойстве поиска видит писатель то, что придает жизни человека высший смысл.

Именно с помощью этого скепсиса, вооруженного беспощадным анализом, всеразрушающей иронией, разоблачается как средневековая иерархичность, неподвижность, подчиненность судьбе, року, так и антигуманные тенденции уже начавшего в то время вырисовываться буржуазного механистического прогресса, акцентирующего только материальные достижения, материальное благополучие.

Пирронизм французского писателя имеет определенные черты диалектического мировоззрения. «Разве самая утонченная мудрость не превращается в самое явное безумие? Подобно тому как самая глубокая дружба порождает самую ожесточенную вражду, а самое цветущее здоровье — смертельную болезнь, точно так же глубокие и необыкновенные душевные волнения порождают самые причудливые мании и помешательства». Гносеологическая основа монтепевского скептицизма — многообразие, противоречивость открывающегося человеку мира. По его мнению, Платон сознательно создавал свои произведения в форме Диалогов, так как противоречивость его взглядов не так бросалась в глаза, когда их излагали разные собеседники.

Таким образом, сомнение Монтеня выступает не как признание принципиальной относительности всего существующего, а скорее как метод достоверной проверки, метод окончательного суждения, как поиск некой первопричины, не подчиняющейся никакому ограничению, как некое «последнее» напряжение человеческого разума и воображения.

Цель Монтеня — обратить знание на самое себя, обнаружить его сокровенную и достовернейшую суть, открывающуюся, возможно, только в бесконечности опытов и попыток. «Если разум что-либо знает, то он по крайней мере знает, какова его собственная сущность и где его местонахождение». И такое знание представляется самым существенным и постоянным, скептицизм оказывается косвенным возвышением и возвеличиванием неких общих, принципиальных свойств разума и науки.

По-новому рассматривалась и проблема бессмертия души. Писатель решает ее в духе материализма, доказывая, что состояние тела непосредственно отзывается на душе: «достаточно укуса бешеной собаки, чтобы потрясти душу до основания» — признание бессмертия души противоречит законам природы. Отрицая мысли Платона о воздаянии в бу-

душей жизни, когда останется только духовная часть человека, он считает это маловероятным, ибо «тот, кто будет испытывать это наслаждение, не будет больше человеком, а следовательно, это будем не мы».

Он высмеивает антропоцентризм, желание человека рассматривать себя как центр Вселенной. Человек не «венец творения», он так же, как и все в природе, подчиняется естественным законам. «Мы видим, что шелковичный червь умирает и засыхает и из него образуется бабочка, а из нее, в свою очередь, другой червь, которого нелепо было бы принимать за первого. То, что однажды прекратило существование, того больше нет».

Таким же плодотворным и положительным «скептицизмом» окрашивается и отношение Монтеня к тем дикийным и фантастическим фактам, которыми были переполнены дневники и воспоминания многочисленных путешественников его времени. Эти случаи и происшествия Монтень не склонен квалифицировать как «чудеса», они есть для него лишь следствие неизвестных еще законов. Некоторая склонность писателя допускать возможность даже самых невероятных происшествий объясняется сильным желанием видеть мир «открытым», принимающим бесконечное множество интерпретаций и возможностей, не ограниченным лишь системой средневековой догматики. «Если чудеса и существуют, то только потому, что мы недостаточно знаем природу, а вовсе не потому, что ей это свойственно». В самой природе чудес нет, многое просто кажется чудесным и непостижимым в силу несовершенства нашего разума.

Здесь Монтень в какой-то степени также отдает дань и чисто художественному обыгрыванию фактов, подобно Рабле, симулируя их полное принятие и порой, так же как и автор «Гаргантюа», стилизуя бесконечные гротескные перечисления как будто случившегося и подтвердившегося. «Существуют народы... — пишет Монтень, — где женщины ценятся до того низко, что всех новорожденных девочек безжалостно убивают... Где вываривают трупы покойников, а затем растирают их, пока не получится нечто вроде кашицы, которую смешивают с вином, а потом пьют этот напиток. Где самый желанный вид погребения — это быть отданным на съедение собакам» и т. д.

Примечательно также отношение писателя к широко

распространенным в то время процессам против ведьм и колдовства. В этом он оказался впереди многих выдающихся умов не только XVI, но даже и XVII века; он отрицает выдвигаемую средневековой религией необходимость принимать на веру самое невозможное и невероятное. Изобретение книгопечатания способствовало как распространению положительных знаний, так и распространению в конце XV—начале XVI века самых неправдоподобных рассказов, вульгаризации и омассовлению средневековых легенд и сказаний; читатель оказывается подавленным хлынувшим потоком издающихся работ по магии, демонологии, демономании. Многие очень видные ученые были совершенно искренне убеждены в том, что самые незначительные человеческие деяния не обходятся без участия сверхъестественных сил. Современник Монтеня Этьенн Пакье верил в злых духов, преследующих человека. Талантливый поэт Агриппа д'Обинье, автор «Трагических поэм», изучал какое-то время черную магию. Скрупулезный мемуарист Брантом серьезно повествовал о будто бы виденной им в Пуатье фее Мелузине, Жако Боден считал отрицание колдовства кощунством и даже автор «Характеров» Лабрюйер, писатель XVII века, колебался окончательно и решительно осуждать процессы против ведьм и колдунов.

Скептицизм Монтеня, таким образом, сыграл определенную положительную роль в отрицании писателем различных предрассудков и веры в чудеса. Область неизвестного для него ни в коем случае не основание для веры, неизвестное не может быть гарантией существования чудес. Он категорически выступает против преследования «колдунов»: «Жизнь наша есть нечто слишком реальное и существенно важное, чтобы ею можно было расплачиваться за какие-то сверхъестественные и воображаемые события».

На сомнение же старается опираться Монтень, когда требует подчинения «законам той страны, где ты живешь». Причина этих убеждений — гражданские войны и те события, свидетелем которых ему пришлось быть. Испытания, потрясшие страну, привели писателя к акцентированию охранительных, консервативных факторов исторического развития. Больше всего поэтому он стремился к единству страны, выступая против фанатизма враждующих партий, непереносимости и жестокости и неоднократно высказываясь за со-

хранение монархической формы правления, так как считал ее способной обеспечить развитие централизованного государства, могущего противостоять сепаратистским устремлениям дворянства. В этом вопросе, как и в вопросе о познании мира, он склонен стремиться к поиску некой первопричины, первозакона, пенарушаемого в течение дальнейшей жизни. «И только те законы заслуживают истинного почитания, которым бог обеспечил существование настолько длительное, что никто уже того не знает, когда они возникли и были ли до них какие-либо другие».

Именно по этой причине Монтень оказался на стороне католиков, так как считал, что католицизм — институт более устоявшийся и древний, чем недавно возникший протестантизм, и поэтому представляет меньшее зло, чем учение Кальвина. Взгляды самого Монтеня, неоднократно выражаемые им на страницах «Опытов», удивительно напоминают мысли Жоржа де Мержи, одного из главных героев романа П. Мериме «Хроника времен Карла IX», который погибает во время гражданских войн и, несмотря на уговоры друзей, так и не исповедуется перед смертью. Для него, как и для Монтеня, католицизм был лишь символом гражданской лояльности: «лучшее государственное устройство для любого народа — это то, которое сохранило его как целое»; для каждого народа наиболее приемлемой может быть лишь только какая-либо определенная форма правления: для одного народа больше подходит монархия, для другого республика и т. д.

В этом Монтень почти за двести лет предвосхищает материализм Монтескье, обуславливавшего социально-политические законы климатическими условиями и свойствами национального характера. Такая теория явилась большим шагом вперед, так как порывала с гипотезами предопределения, легендарных законодателей, исключительных личностей и т. д. и обосновывала теорию естественного детерминирования жизни общества, хотя и далекую еще от исторического материализма, поскольку она сводила общественные закономерности к гораздо более узким, природным, но все же более совершенную, чем предшествующая.

Писатель выступает против ломки существующего строя. Его скептицизм приобретает определенную окраску социально-политического консерватизма, допустимого и оправды-

ваемого им в конкретных условиях происходивших во Франции событий. Он выступает сторонником национального примирения, сохранения единства нации. «Весьма сомнительно, может ли изменение действующего закона, каков бы он ни был, привести столь очевидную пользу, чтобы перевесить то зло, которое возникает, если его потревожить», всякое новшество влечет за собой часто очень разрушительные последствия, сопровождается бессмысленными жертвами. Это мнение он обосновывает и подтверждает теми событиями, свидетелем которых ему пришлось стать: распространение протестантизма во Франции явилось причиной страданий и бед, нанесших стране непоправимый урон и отбросивших ее на несколько десятилетий назад.

Особенности государственного устройства определяются породившими его обычаями и привычками, они не есть произвольные домыслы и блажь людей, а следствие реально существующих обстоятельств. Плутарх описывает, как царь Филипп поселил самых дурных и испорченных людей в специально построенном для них городе. «Полагаю, — комментирует это обстоятельство Монтень, — что эти люди и из самих своих пороков создали политическое объединение, а также целесообразно устроенное и справедливое общество». По его мнению, всякий, кто берется вносить изменения в существующий порядок вещей, присваивает себе право судить и поэтому берет на себя большую ответственность, чем тот, кто стремится сохранить прежний уклад. «Я разочаровался во всяческих новшествах, в каком бы обличии они нам не являлись... Те, кто расшатывает государственный строй, чаще всего и гибнут при его крушении».

Тем не менее и в этом вопросе он склонен мыслить не метафизически и абстрактно, а конкретно. Хотя нововведения и нежелательны, но когда речь идет о несоответствующих данному обществу институтах, то не следует противиться изменениям. «Если сопротивляясь возрастанию нового, стремящегося насильственно пробить себе путь, держать себя всегда и во всем в узде и строго соблюдать установленные правила, то подобное самоограничение... — неправильно и опасно».

* * *

Однажды у отца писателя гостил известный ученый того времени Пьер Бюнель и после своего отъезда оставил сочи-

нение испанского теолога Реймунда Сабундского «Естественная теология», представляющее собой изложение взглядов средневекового мыслителя Фомы Аквинского. Целью работы было доказать существование бога, пользуясь доводами разума, опыта и рационализма. Пьер де Монтень попросил своего сына перевести книгу Реймунда Сабундского, и тот выполнил его просьбу. Заинтересованный этой проблемой, Монтень увлекается чтением тех философов, которые могли бы дать ему аргументы в споре с теологами. Уже после завершения перевода он продолжал работу над этой темой, результатом чего явилась центральная глава второй книги «Апологии Реймунда Сабундского». Перевод оказался одной из главных линий будущих «Опытов». Есть предположение, что позднее именно в переводе Монтеня познакомился с «Естественной историей» Блез Паскаль.

Хотя глава XII и называется апологией, вряд ли сам испанский теолог одобрил бы своего защитника. Под видом апологии Монтень применяет все те же положения своей скептической философии в области богословия. Он разрушает антропоцентристские представления о человеке как «вещи творения»; человек гордится своими знаниями и своим разумом, но нет таких добродетелей и качеств человека, в которых его не превзошли бы животные: автор приводит многочисленные примеры разума и благородства животных. Человек «по суетности своего воображения равняет себя с богом, приписывает себе божественные способности, отличает и выделяет себя из множества других созданий». На самом же деле, считает Монтень, выдвигать в качестве аргумента уникальность человеческого сознания неправомерно: «Когда я играю со своей кошкой, кто знает, не забавляется ли скорее она мною, чем я ею».

За идеей бога Монтень признает значение некой непостижимой первопричины, первоистины, не сводимой ни к каким другим ее формам. Но освободившись затем, таким образом, от этой идеи, отдав «богу богово», писатель считает возможным не учитывать и не принимать в расчет в земных делах никаких божественных категорий. Это «разведение» земного и небесного позволяет, при всем признании недоказуемого и недоступного для разума совершенства идеи бога, сконцентрировать внимание на безграничной свободе человека в своих делах.

Слабость человеческого разума, считает писатель, не в состоянии рационально обосновать «религиозные истины», которые могут быть обнаружены только в «откровении». «Ведь если бы это было возможно, то неужели столько необыкновенно одаренных и выдающихся умов древности не смогли бы силами своего ума достигнуть этого познания». Но именно поэтому, освободившись, таким образом, от всяких отношений с верой, разум человека оказывается абсолютно свободным, независимым в том, что касается человеческих дел.

Оторвав религиозную истину от разума и реальной жизни, Монтень деперсонифицирует своего бога, превращает его в абстрактную сущность, не имеющую никаких конкретных черт, вечную, вневременную, не определенную никакими атрибутами, сущность, о которой невозможно сказать ничего конкретного. Объективно это привело к растворению идеи бога в бесконечном, в неопределимом, т. е. в конечном счете в природе, «великом целом». Монтень — непосредственный предшественник Спинозы с его пантеистическим тезисом «Бог есть природа».

Именно поэтому Монтень в течение XVII века все более и более подвергается опале со стороны духовенства. Хотя он многократно подчеркивал свою верность римской католической церкви, объективно его книга представляла обширный материал для вольномыслящих писателей, так называемых либертинов (Сирапо де Бержерак, Теофиль де Вио, Матюрен Репье и др.). Конечно, часто повторяющиеся заклинательные формулы о верности господствующей религии могли на время сбить с толку стражей ортодоксального католицизма, но для них не менее важно было также и то, каким путем писатель пришел к этим формулам. А пришел он к ним своим путем, по-своему исследуя и анализируя огромное количество фактов и событий, и этот материал объективно приводил читателя к взглядам, не совсем соответствующим тем, которые он сам декларативно провозглашал.

Для проповедника и религиозного оратора Боссюэ Монтень уже несомненно и бесспорно представляется врагом религии. Боссюэ обрушивается на писателя, обвиняя его в том, что тот ставит человека на один уровень с животными, сравнивает инстинкт с человеческим разумом, отрицает в человеке духовное начало, сводя его исключительно к материально-

му, телесному. В 1676 году «Опыты» заносятся Ватиканом в «Индекс запрещенных книг», с 1669 по 1724 год не выходит ни одного издания книги, Монтень становится объектом суровой критики со стороны католической церкви.

Очень знаменательно отношение к Монтеню великого французского ученого и философа Б. Паскаля. Монтень остается сторонником Паскаля, пока представляет ему факты, которые сам Паскаль склонен оценивать как иллюстрацию к доказательству того, как плохо человеку без бога, как он слаб, незащищен и одинок. Но он становится его оппонентом, как только отказывается от божественной помощи, как только отдаёт предпочтение земному, перед тем абсолютным, поисками которого был занят Паскаль, что делает его одной из самых трагических фигур французской культуры.

В высшей степени импонировал Паскалю и жанр книги Монтеня. Свое произведение «Мысли» он старается выдерживать в том же жанре, стремясь в свободной, внешне беспорядочной форме найти выражение некоего высшего рационализма и абсолютного разума, недоступного человеку и превосходящего все его усилия. Каждая попытка человека к систематизации и упорядоченности, считает Паскаль, приводит к неудаче, «посрамлению».

Монтень приближается к такому толкованию бога, которое позднее даст основание отождествить его с «богом философов и ученых» XVIII века. Паскаль, также ошеломленный открытой ему «бездной» несовершенств человека, попытается уравновесить эту бесконечность другой бесконечностью — величию человека и беспредельностью его возможностей, обретаемыми, однако, только с помощью крестного спасения, снисхождения бога к человеку, без этой помощи оказывающегося лишь «мыслящим тростником». Автор «Опытов» в таком снисхождении не нуждается, он остается один на один, без всякой потусторонней помощи, с образом того человека, которого создает сам и который героически величествен в своем мужественном одиночестве. Для него не существует ни первородного греха, ни искупления, наказания за грехопадение, совершенное вследствие «дьявольской» любезнительности и страсти к познанию. Это еще лишний аргумент в пользу того, что его скептицизм был направлен только против схоластического познания.

Монтень отмежевывается от идеи бога, неоднократно ука-

зывая на то, что отделяет ее от человека, на то, что эта идея недоступна и непостижима для человека, который поэтому обречен на бесконечное ожидание и в конце концов привыкает обходиться без посторонней помощи, привыкает чувствовать себя независимым и самостоятельным.

Писатель хочет лишить человека всякой опоры на сверхъестественные силы, хочет предоставить его только своим собственным возможностям. Он призывает расстаться с мыслью, будто мир создан для человека; мир мог бы существовать и без него, он имеет на это вполне достаточные основания. «Кто уверил человека, что это изумительное движение небосвода, этот вечный свет, льющийся из величественно вращающихся над его головой светил, этот грозный ропот безбрежного моря, — что все это сотворено и существует столько веков только для него, для его удобства и к его услугам».

Писатель создает новую иерархию человека в мире. Несомненно и неоспоримо его стихийно-материалистическое убеждение в объективности независимо от всякого сознания существующих предметов и объектов. Человек, считает он, не автономная единица в природе, живущая по сверхъестественным законам, которые полагаются неким верховным существом. Он часть природы и подчиняется естественным законам.

Это подтверждается и отношением писателя к божественному откровению, вера в которое у него оказывается сильно поколебленной. «Если бы мы, — пишет он, — воспринимали бога путем глубокой веры, если бы мы познавали его через него самого, а не с помощью наших усилий, если бы мы имели божественную опору и поддержку, то человеческие случайности не в состоянии были бы нас так потрясать, как они нас потрясают».

Такое отсутствие веры, даваемой откровением, французский гуманист считает причиной того, что у его современников она плохо согласуется с поведением и образом жизни. Он полагает, что в этом отношении магометане и язычники стоят гораздо выше их. «Наша религия создана для искоренения пороков, а на самом деле она их покрывает, питает и возбуждает». Монтень убежден, что религиозная вера служит лишь прикрытием в междоусобной борьбе во Франции, каждая партия использует ее в своих интересах: «Призна-

емся: ведь мы ее направляем куда нам заблагорассудится! Разве мы не лепим, как из воска, сколько угодно противоположных образов из столь единого и твердого вероучения? Где это было видано больше чем во Франции в наши дни? И те, кто направляет ее налево, и те, кто направляет ее направо, и те, кто говорит: «Это черное», и те, кто говорит: «Это белое», — все одинаково используют ее в своих честолюбивых и корыстных целях, совершенно одинаково творя бесчинства и беззакония».

Таковы последствия монтеневского скептицизма, оказавшегося на практике действенным орудием экспериментального исследования, проверки, борьбы со всем тем, что навязывало заранее предустановленные решения, мешало освободиться от предвзятых взглядов на мир.

ЗЕМНОЙ УДЕЛ

Было бы, однако, неверно представлять себе Монтеня как отшельника, отгородившегося от всех житейских невзгод и ушедшего в свой оторванный от действительности мир. С 1580 года в его судьбе начинается новый период, озаглавленный активным участием в общественной жизни, попыткой найти те сферы деятельности, где он мог бы испытать себя, не поступаясь своими убеждениями и взглядами.

С конца 70-х годов он начинает испытывать физические страдания, состояние его здоровья непрерывно ухудшается, хотя он переносит боли с большим мужеством и стоическим терпением. В 1580 году он предпринимает большое путешествие по Германии, Швейцарии, Италии. Предлогом для этого путешествия было посещение наиболее прославленных европейских курортов минеральных вод. Но, помимо этого, писатель желал раздвинуть кругозор своего «освоения» мира, хотел испытать свои возможности активно вмешиваться в жизненные события, проверить, насколько оказывалось допустимым согласовывать свои моральные и философские идеалы с реальной жизнью. Во время этого путешествия Монтень постоянно вел свой «Дневник», который не предназначал для опубликования; он был найден на чердаке замка после смерти писателя и впервые вышел в свет только в 1774 году.

Поражает в «Дневнике» Монтеня относительное равнодушие к памятникам культуры, шедеврам искусства и глу-

бокий интерес к жизни, обычаям, правам народов тех стран, с которыми ему пришлось столкнуться; он принимает самое живое участие в карнавалах, присутствует при казни пойманного разбойника, при попытках изгнать бесов из «одержимого», наносит визит папе. Он старается проникнуть в стиль той или иной национальной жизни, больше всего его интересует, однако, то общечеловеческое, что объединяет всех людей и все народы — то есть «универсальный человек»; цель его — постичь человеческую природу во всех ее аспектах.

Когда Монтень возвращается из путешествия в свой замок, он узнает, что уже четыре месяца является мэром города Бордо. Через десять лет после того, как Монтень решил окончить свою жизнь вдали от практических дел, он оказывается вовлеченным в сферу общественной деятельности, куда сам дает себя втянуть во многом в силу требований своей натуры, побуждающей его к исчерпанию своего «человеческого удела» — *condition humaine* (выражение, впервые введенное Монтенем и затем использованное Б. Паскалем). Он теперь не сторонний зритель, а активный участник социального действия, речь идет теперь не о том, чтобы направлять и тренировать волю и страсти, укреплять решимость стойчески переносить трудности, а о том, чтобы решать вопросы долга, человеческих взаимоотношений, ответственности перед обществом и близкими.

Ситуация осложнялась тем, что Монтень, верный своим идеям терпимости и гуманизма, старался использовать все свое влияние для смягчения страстей враждующих партий, и это не раз ставило его в довольно затруднительное положение. Даже в самое напряженное время удавалось поддерживать дружеские отношения со своим «официальным» врагом, Генрихом IV, который был близок писателю многими своими взглядами и который в 1584 году некоторое время гостил у него в замке. Эта гуманная позиция Монтеня подчас вызывала недовольство как католиков, так и гугенотов; каждая из партий старалась склонить его на свою сторону. И все же народ и жители Бордо поддерживали его: после окончания срока своего правления городом он был переизбран еще на два года — предедент такого рода с другим мэром имел место только один раз за всю историю Бордо.

Немного позднее, в 1586—1587 годах, для наблюдения

за изданием своей третьей книги Монтень отправляется в Париж, где впервые встречается с будущей поклонницей своего таланта мадемуазель Мари де Гурне, чье восторженное почитание сопровождало его до самой смерти, хотя сам писатель относился к нему со смешанным чувством иронии и снисхождения. Однако он ценил преданность своей «духовной дочери» и завещал ей издание своих «Опытов».

Таким образом, в этот период своей жизни Монтень стремится приобщиться к социальной активности. Но возникновение новых общественных отношений переживается им, осознаваясь порой как некая ущербность человеческого сознания вообще. Судьба человеческая становится проблемой, предметом обсуждения, но не объектом беспристрастного научного изучения. Человек оказывается основной целью исследования; раскрывая себя, писатель старается дать как можно большее представление о «человеческой судьбе» вообще, о жизни и бытии вообще. «Весь мир — это вечные качели. Все, что он в себе заключает, непрерывно качается: земля, скалистые горы Кавказа, египетские пирамиды... Даже устойчивость — и она не что иное, как ослабленное и замедленное качание».

У Монтеня человек отнюдь не мыслится как вещь, по аналогии с другими вещами мира, он противник того подхода к личности, когда она рассматривается объективно, наравне с прочими предметами. При объективном, беспристрастном рассмотрении любого предмета рассматривающий должен полностью избавиться от самого себя, и чем меньше останется от него, тем ближе он к истине. Но дело складывается по-другому, если исследователь попытается поймать, уловить человеческую личность. В таком случае он оказывается в положении змеи, хватающей свой хвост. Монтень прекрасно отдаёт себе отчет в трудности этой задачи. «Если вы сосредоточите все усилия своей мысли на том, чтобы уловить бытие, это будет равносильно желанию удержать в пригоршне зачерпнутую воду: чем больше вы будете сжимать и задерживать то, что текуче по своей природе, тем скорее вы потеряете то, что хотели удержать и зажать в кулаке. Так как все вещи претерпевают непрерывно одно изменение за другим, то наш разум, ищущий реального бытия, оказывается обманутым; он не может найти ничего постоянного и неизменного, ибо всякая вещь либо еще только возникает,

но еще не существует, либо пачинает умирать еще до своего рождения».

В эпоху кризиса ренессансного гуманизма встала проблема ориентации человека в мире, где «распадаются связи времен», исчезают привычные точки отсчета, возникает ощущение трагической неустроенности в чуждой для личности действительности. Человек оказывается предоставленным самому себе. Если раньше он мог перекладывать ответственность на бога и не ощущал своей трагической вины, то теперь он чувствует всю тяжесть ответственности. Писатель делает отсюда глубоко гуманистические выводы о самостоятельности человека, о его праве и возможностях распоряжаться своей личной судьбой. Монтень — человек Ренессанса, он полагает себя свободным и независимым, но эта свобода и независимость все более ощущаются и воспринимаются им также и как проблема: они предоставляют новые возможности и вместе с тем налагают новые обязанности.

Он очень хорошо понимает, что земная жизнь — единственное, что есть у человека. Он намерен и готов до дна испить чашу индивидуальной свободы и — что очень важно — ответственности. И вместе с тем его неизменно гнетет сознание невозможности полностью познать жизнь и действительность, постичь эту посюстороннюю и материальную, но трудно уловимую и мерцающую реальность, которая как Протей ежесекундно меняет обличие и проявляется то в одном, то в другом виде, осязаемая, но в то же время подвижная и текучая, единая и копкретная, но в то же время многосущная и отвлеченная. Человек свободен от сил неземных и потусторонних, но он связан с жизнью, с миром тысячами труднодостижимых уз, и свобода эта оборачивается непосильным бременем, от которого тем не менее человек не волен, да уже и не хочет, не переставая ощущать себя личностью, освободиться. Скептицизм писателя не оставляет личности никакой опоры в мире, человек заброшен и беспомощен. Тем не менее он отказывается принять всякую помощь свыше, упоая только на собственное знание и собственные силы, возлагая надежды на свои собственные мысли и суждения и отвергая веру в потустороннее.

Делая человека частью природы, Монтень всегда стремится показать, что его интересуют в природе, в мире наиболее универсальные, общие законы. По его мнению, верить

следует скорее показаниям и суждениям разума о самом себе, чем об остальных вещах, разум больше знает о своей собственной сути, чем о чем-либо другом, основы и первопричины должны быть главной целью познания. «Ты ссылаешься на местный закон, но не знаешь, каков закон всеобщий. Ты можешь связывать себя с тем, чему ты подчинен, но ты его не свяжешь; он тебе не собрат, не земляк или товарищ».

Идеал всесторонне образованного человека, стремящегося к знанию всеобщих законов и не ограничивающегося какой-либо специальной областью, был жив в эпоху Ренессанса, однако к концу XVI века общественные условия уже не допускали осуществления этого идеала гармонической личности. Рабле еще мог отвечать ему, он был человеком, свежим почти во всех известных в его время науках, но уже в эпоху Монтеня идеальному представлению о человеке всесторонне развитом противопоставляется тенденция к специализации.

Цель Монтеня — познать конечный объект своих исследований, именно человеческую природу. В этом, как считает французский писатель, — глубочайший смысл всей учености, всех наук, всех естественных познаний. Говоря о людях, высказывающихся в пользу первенствующего значения естественных наук, он следующим образом аргументирует преимущества своего метода: «Поскольку этим людям так и не удалось постигнуть самих себя и познать свое естество, неизменно пребывающее у них на глазах и заключенное в них самих, могу ли я верить их мнениям о причинах приливов и отливов на реке Нил».

С этой же позиции писатель подходит и к оценке своего творчества. Он пишет о самых глубинных, самых потаенных истоках его, чем оказывается жизнь — цельная, взятая в полноте своего внутреннего движения. По мнению Монтеня, человек образованный, просвещенный не может быть просвещен во всем, человек же как личность цельная, универсальная представляет собой безусловную ценность. В этом смысл монтеневской скромности, которая оказывается одним из лейтмотивов всей его книги, автор постоянно подчеркивает свою ординарность, обычность, полное отсутствие памяти, лень, часто повторяет, что в порядочном обществе таких писателей надо бы гнать взашей, и делает себе мно-

гие другие подобные «лестные» комплименты. Но он высказывает все это для того, чтобы четче акцентировать свое убеждение: для его целей подходит любая самая обыденная судьба, любой «удел человеческий». «В жизни Цезаря мы не найдем большего числа поучительных примеров, чем в нашей собственной. И жизнь правителя, и жизнь простолюдина — это всегда человеческая жизнь, полная обычных для нее превратностей».

Отсюда понятно отношение писателя к своей книге и к тем задачам, которые он в ней ставил. «Моя книга в такой же мере создана мною, в какой я сам создан моей книгой. Это книга — неотделимая от своего автора, книга, составившая мое основное занятие, неотъемлемую часть моей жизни». Монтень заявляет поэтому, что он и его сочинение соизмеримы друг другу: в этом случае невозможно задать вопрос, как такой плохой человек написал такое прекрасное произведение. «В других случаях можно хвалить или, наоборот, порицать работу независимо от работника; здесь — это исключение, кто касается одной, тот касается и другого».

«Авторы, говоря о себе, сообщают читателям только о том, что отличает их печатью особенности и необычности, что до меня, то я первый повествую о своей сущности в целом, как о Мишеле де Монтене, а не как о философе, поэте или юристе». Всякая специализация дает неправильное понятие о ее представителе, многие качества и особенности его не раскрываются. По физическим, философским, юридическим, грамматическим работам любого автора вряд ли возможно представить себе его как личность: он не обнаруживает себя в самом главном. Все эти способы самопроявления личности ассоциируются у Монтеня со схоластическими, они мало говорят о человеке, который здесь упрощен, схематизирован. Монтень же, сколько бы ни обращал внимание на факты, поступки, поведение, как свои, так и своих окружающих, в конечном счете стремится к раскрытию наиболее существенного, того, что обнаруживает свою устойчивость в вечном изменении человеческой природы, что остается неизменным среди разнообразия и перемен. «Применительно к науке, которая меня занимает, за мной по крайней мере то преимущество, что никогда ни один человек, знающий и понимающий свой предмет, не рассматривал его доскональнее чем я свой, и в этом смысле я самый ученый человек

из всех живущих на свете, во-вторых, никто никогда не проникал так глубоко в свою тему, никто так подробно и тщательно не исследовал всех ее частностей и существующих между ними связей».

Таким образом, богатство фактического конкретного материала в книге писателя как жизненного, так и литературного, не противоречит цели раскрыть жизнь в самом главном. Монтень отнюдь не книжный червь, стремящийся поработать образованностью. Он хочет как раз совсем другого: познать человеческую жизнь во всем ее разнообразии и цельности, не расчленяя ее на части, — цель иная, нежели намерение специалистов-философов, филологов, физиков, психологов и т. д.

СТИЛЬ — ЭТО ЧЕЛОВЕК

Изменчивость, текучесть, непостоянство личности человека — объекта исследования французского гуманиста — обуславливали ту форму, которой он отдавал предпочтение. Писатель ссылаясь на Диалоги Платона, считая их свободную композицию образцом для себя. Но его книга написана, может быть, еще непосредственнее, живее и свободнее, чем Диалоги Платона. «Я не обязываю себя исследовать свой предмет до конца или хотя бы все время держаться его, но постоянно перебрасываюсь от одного к другому, а когда мне захочется, отдаюсь сомнению, неуверенности и тому, что мне особенно свойственно, — сознанию своего невежества». Но это невежество он оценивает выше всякого специального знания, именно оно, как он считает, представляет возможность самопознания.

«Опыты» не являются ни автобиографией, ни дневником, в основу этого произведения не положено никакого плана, нет хронологической последовательности, нет и логической связи. Автор свободно, опуская порой логические звенья, переходит от одной темы к другой, они оказываются сцепленными только внешне: упоминается какой-либо предмет или тема, и сразу же начинается разговор об этом. Писатель подчиняется своему внутреннему ритму, который заставляет его свободно переходить от одного к другому. Он хочет в точности описать предмет, приковывающий его внимание, а предмет этот постоянно изменяющийся, поэтому

Монтень старается постичь его во всех положениях для того, чтобы получить о нем как можно более полное представление. «Опыты» не есть итог размышлений, не есть результат некоторых заключений, это сам процесс мышления, взятый в своем внутреннем движении, это не только мысль о чем-то, а также во многом и мысль о мысли, размышление о размышлении; в этом глубокая оригинальность, необычность книги французского писателя.

Монтень описывает самого себя, он же существо постоянно меняющееся, значит, и форма должна соответствовать этому и также постоянно меняться. Отсюда внешняя неупорядоченность формы, которая представляет, конечно, не следствие неумелости автора, а вполне продуманный способ организации материала, способ, которым впоследствии пользовались и другие писатели и философы.

Использование жестких схем, по мнению Монтеня, уменьшило бы возможность самого жанра «опытов», автор которых являлся одновременно и наблюдателем и объектом наблюдения. Это постоянное изменение точки отсчета повествования также является причиной свободных переходов от описания себя к описанию действительности. «У меня нет другого связующего звена при изложении моих мыслей, кроме случайности, — признавался сам Монтень. — Я хочу, чтобы виден был естественный и обычный ход их, во всех зигзагах. Я излагаю их так, как они возникали». Это высказывание, конечно, бьет и схоластическую логику, основанную на аристотелевской философии. «Для меня, который хочет стать только более мудрым, а не более ученым или красноречивым, эти логические и аристотелевские подразделения совершенно ни к чему».

Подобная раскованность и свобода послужили основанием для того, чтобы связать имя Монтеня со стилем, широко распространившимся в следующем, XVII столетии и культивирующим причудливость, асимметрию, хаотичность, изрезанность. Речь идет о стиле барокко, само название которого (это слово перешло уже в разговорный французский язык, прилагательное *багоке* означает «странный», «чуждый», «причудливый») говорит о его противоположности рационализму классицистов. Целью барокко было поразить, ошеломить читателя чем-нибудь неожиданным, редким.

Но этот стиль оказывался чуждым всему духу монтеневской простоты, безыскусственности, чрезвычайной пенавязчивости. Гораздо логичнее связать творчество писателя с ренессансными традициями, с книгой Рабле, например, который подчас допускает даже еще большую свободу повествования.

Очень характерна функция «рассказа», «анекдота», тех «историй», которые в огромном количестве рассеяны по всему произведению Монтеня. Подчас «случаи», «происшествия» являются только иллюстрацией к какой-либо мысли. Но порой эти «истории» перерастают во вставные повеллы, приобретая едва ли не самостоятельное художественное значение. Таким оказывается, например, рассказ о том, как в замок явились грабители и Монтеня спасли только его хладнокровие и выдержка, обезоружившие главаря и не давшие ему повода совершить задуманное.

Писатель зачастую возвращается к высказываемой мысли, повторяя ее, перефразируя по-новому, отчего она начинает играть и искриться новыми смыслами. Такой манеры изложения читатель совсем не склонен ожидать от автора, предлагающего сочинение, по всей видимости, имеющее теоретическое содержание. Это придает повествованию особый неподражаемый тон интимной доверительной беседы; собеседник погружает покоренного читателя в совершенно подчиняющуюся ему стихию многоголосья своих и чужих мыслей, лирических отступлений, неоднократного возврата к уже сказанному и т. д. «Я говорю на бумаге так же, как я разговаривал бы с первым попавшимся мне человеком», — признавался писатель.

Для Монтеня важно прежде всего содержание. «Я не умею придавать вещам ценность выше той, которой они обладают на деле: моя обработка не идет на пользу моему материалу. Вот почему он должен быть у меня лучшего качества: он должен производить впечатление и блеснуть сам по себе». Писатель сам неоднократно признавался в том, что его не очень интересует обработка, совершенствование написанного. «Существуют такие глупцы, которые готовы свернуть с пути и сделать крюк в добрую четверть лье в погоне за острым словом. Я охотнее изменю какое-нибудь хорошее изречение, чтобы вставить его в мои собственные писания, чем оборву нить моих мыслей, чтобы найти ему под-

ходящее место. По-моему, это словам надлежит подчиниться и идти вслед за мыслями, а не наоборот и там, где бессилие французский, пусть его заменит гасконский».

Читая Монтеня, очень часто чувствуешь, будто автор как бы извиняется за то, что вообще взялся за перо. Он, случается, дает своему творению весьма уничижительные, нелестные характеристики: «это нагромождение столь различных обрывков», «кушание, которое я стряпаю здесь» и т. д. Он без конца говорит о своих заимствованиях у античных писателей, подчеркивая: «роскошные цветы, рассеянные в разных местах моего изложения, отнюдь не принадлежат мне и неизмеримо превосходят мои собственные дарования». Было бы ошибкой принимать эти признания в прямом их смысле, они отнюдь не свидетельствуют о нетребовательности писателя. Многочисленные исправления в различных изданиях, напротив, говорят о противоположном. Монтень признавался, что во время работы над «Опытами» перед его взором часто витала идея некой совершенной формы, порождения некоего высшего не доступного человеку рационализма, формы неизмеримо превосходящей ту, которая ему удавалась, и именно она являлась для него мерилom, в сравнении с ней он оценивал свое собственное творчество.

Поражает конкретность и предметность языка произведения, его метафоричность. Хотя речь часто идет о предметах очень сложных, отвлеченных, они предстают зримо, ощутимо, автор переводит их на язык живых и ярких образов, доступных многим читателям. Как стилист писатель следовал традициям Возрождения, используя различные противоположные по своей стилистической окраске слова, не пренебрегая, в противоположность классицистам, самыми обыденными словами, расширяя свой словарь за счет включения самой разнообразной лексики. Он охотно прибегает к диалектизмам, противостоя строгой пуританской эстетике сторонников жесткого разделения литературы и поэзии на жанры высокие и низкие; подобно Рабле, он склонен смешивать слова всех стилистических уровней, гротескно сопоставляя их и сочетая чувственное и духовное, возвышенное и смешное.

Естественность и свобода являются, по мнению Монтеня, необходимым условием существования его «проб», «экспериментов». Всякая жесткая, неподвижная схема блокировала

бы подлинное течение мыслей, что радикальным образом противоречило бы целям писателя, стремящегося к естественности во всем, в том числе и в своем творчестве. «Я охотно подражал в свое время той небрежности, с какой, как мы видим, наша молодежь носит одежду; плащ, свисающий на завязках, капюшон на плече, кое-как натянутые чулки... Но я нахожу, что еще более уместным было бы то же самое в отношении нашей речи. Всякое жеманство, особенно при нашей французской живости и непринужденности, совсем не к лицу придворному. Поэтому мы поступаем, по-моему, правильно, слегка подчеркивая в себе простодушие и небрежность».

Эти естественность и свобода повествования наглядно проявляются и в композиции многих глав, заглавия которых порой имеют лишь самое отдаленное сходство с их содержанием. Глава «История Спурины», например, повествует о необходимости сдерживать страсти, а рассказ о молодом тосканце Спурине приводится в самом конце, под занавес. В главе «О хромых» в целом варьируется монтеневская тема «что я знаю?», и рассказ о преимуществах любви к хромоножкам появляется внезапно и совершенно немотивированно. Монтень сам сознает это, ограничиваясь следующим «введением»: «к месту будь это сказано или не к месту, но есть в Италии распространенная поговорка...»

Глава «О стихах Virgiliya» целиком посвящена вопросам семьи, гигиены брака, особенностям воспитания девушек и т. д., о стихах Virgiliya здесь нет ни абзаца. Глава «О средствах передвижения» затрагивает несколько тем: зрелища, устраиваемые для народа некоторыми императорами, рассуждение о страхе и храбрости, порабощении испанцами жителей Нового Света. Что же касается средств передвижения вождей индейцев, то о них сообщается лишь в конце главы.

Примерами свободной ассоциации мыслей могут быть опыты «О суетности» и «О трех видах общения», где идеи автора соединяются так, как они сцепляются в разговоре, когда тема развивается до тех пор, пока все сохраняют к ней интерес, как только он ослабевает, разговор устремляется в новое русло, иногда ненадолго, если находится предмет, еще больше привлекающий всех.

В этой свободе паходила проявление ренессансная ши-

рота мировоззрения Монтеня, считающего важнейшей особенностью литературы и поэзии эмоциональное воздействие, не скованное никакими рассудочными ограничениями, раскрывающее возможности человека во всей полноте его индивидуальности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Новаторские устремления французского писателя предвосхитили многие открытия XVII и XVIII веков. Монтень следовал по той же магистрали освобождения человеческой мысли, по которой до него двигались Леонардо да Винчи, Рабле, а после него — Ф. Бэкон, Лабрюйер, Мольер. Монтень — один из выразителей наиболее прогрессивных чаяний своего времени, его произведение оказало существенное влияние на развитие научных представлений о мире. Публицистический жанр XVII и XVIII веков также оформился во многом под художественным воздействием «Опытов». Тот дух всеразъедающего скепсиса, насмешки, разоблачения, который впоследствии станет неотъемлемым качеством творений Монтескье, Дидро и др., зарождается впервые под пером Монтеня.

«Опыты» — одно из тех произведений, которые оказались способными пережить свое время и во всякую эпоху читаться по-новому. Каждое поколение читателей привносит свою интерпретацию, подобные книги в тот или иной период обнаруживают свои разные стороны, оказывающиеся созвучными определенным общественным требованиям. Многогранность и глубина произведения французского гуманиста давали возможность подчас противоположной его интерпретации. Но это только решительнее подчеркивало его самобытность и художественное совершенство.

В первой половине XVII века вышло около 35 изданий «Опытов». Это дало основание душеприказчице писателя, его «духовной дочери» мадемуазель Мари де Гурне выразить удовлетворение тем успехам, который имела книга Монтеня у читателя того времени, сравнив его с отослательно, по ее мнению, скромным успехом в конце XVI века.

Близким и понятным он оказался тому кругу просвещенных дворянских дилетантов, которые как огня боялись

всякой узкой специализации, считая ее ниже своего достоинства, и выше всего ценили идеал «порядочного человека». Для этого круга книга Монтеня стала своеобразным кладом, откуда они, не утруждая себя систематическим трудом, могли почерпнуть многие необходимые для всякого культурного человека сведения, преподносимые в увлекательной и доступной форме. Универсальность Монтеня оборачивалась для них изящным дилетантизмом, а иногда и светским верхоглядством, приверженцы которого всегда «учились по-пемпогу, чему-нибудь и как-нибудь». Однако идеал «порядочного человека» в то время все же в какой-то мере совпал с ренессансным идеалом гармонически развитой личности.

Творчество Монтеня в течение всего XVII века привлекало тех, кто видел в нем глашатая вольнолюбивых мыслей, ренессансной цельности, кто, не порывая связи с традициями XVI века, противостоял рационализму классицистической доктрины. Приверженцы же классицистических правил обвиняли его в индивидуализме, произволе, в том, что писатель не представлял себе, что он скажет даже в следующую минуту. Свободная фантазия Монтеня, так пленившая современников Людовика XIII, современникам Людовика XIV уже казалась признаком плохого вкуса, дурного тона и невоспитанности. Один из самых ортодоксальных сторонников классицистических условностей Гиз де Бальзак обвинял Монтеня в том, что он не следует «хорошим примерам», и как бы в его извинение выражал удивление, как вообще еще человек мог говорить на правильном французском языке, живя в такой глуши, как провинция Перигор. В 1677 году один неизвестный автор даже опубликовал любопытное произведение «Дух опытов», пригладив и причесав Монтеня под господствующую в то время моду: он изменяет названия глав с целью сделать их более соответствующими содержанию, выравнивает наиболее бросающиеся в глаза диспропорции. Надо сказать все же, что наиболее талантливые представители классицизма, такие, как Мольер, Лабрюйер, Лафонтен, мадам де Лафайет, мадам де Севиньи, понимали и ценили Монтеня.

В то время как во Франции XVII века Монтеня признавали лишь некоторые писатели, в Англии его популярность достигает своего апогея. С 1603 года благодаря прекрасному

переводу Флорио он становится знакомым и близким многим англичанам. Ф. Бэкон вводит слово «эссе» в английский язык, этот жанр используют Эддисон, Стиль, Бен-Джонсон, Вебстер и другие, заимствуя у Монтеня целые отрывки и сцены. Шекспир широко пользуется переводами Флорио, ему чрезвычайно близки те идеи позднего Возрождения, которые переполняют главы «Опытов». Один отрывок из «Бури», например, представляет собой почти дословное переложение монтеневского текста о нравах и обычаях туземцев Нового Света. Для автора «Короля Лира» и «Гамлета» Монтень был выразителем «удела человеческого», раскрывающим судьбу человека во всей ее цельности и полноте. Чтение Монтеня явилось для Шекспира предпосылкой тщательного изучения Плутарха, откуда он почерпнул материал для многих своих пьес.

В XVIII веке во Франции происходит реабилитация Монтеня. Писатели-просветители во многом опираются на его идеи и видят в нем своего союзника. Вольтер и Дидро ценят в Монтене его политическую терпимость и религиозное свободомыслие, для них вполне понятно и близко желание писателя выразить самого себя, с целью создать образ человека вообще.

Очень существенно и глубоко влияние Монтеня на Руссо. Апелляция последнего к естественному человеку, возврату к природе, утверждение, что человек по натуре своей добр, неиспорчен и порочным его делает общество, — все это имело свое начало в «Опытах», равно как оттуда же пошли и руссоистские педагогические идеалы воспитания физически здорового ребенка, предпочтительного развития характера и способности суждения и только затем усвоение знаний и т. д. Не вызывает сомнения близость жанра «Опытов» и «Исповеди» Руссо, которым двигал тот же пафос искреннего, интимного описания собственной личности, раскрытия тайных пружин и механизмов своих поступков и мыслей.

В последующие столетия авторитет и слава французского писателя не подвергались сомнению. Из художников, испытывавших сильное воздействие Монтеня, стоит отметить американского романтика Эмерсона, для которого «Опыты» олицетворяли собой всю европейскую культуру, сосредоточивали в одной книге всю мудрость Старого Света. Из более со-

временных писателей явно заметные черты сходства с Монтенем можно заметить у А. Франса, многие герои которого оказываются выразителями эпикурейских взглядов, терпимости, скептического отношения к общепризнанным ценностям, не отрицающего вообще человеческий разум, а требующего критического отношения к его относительным успехам и достижениям. Такие персонажи Франса, как Жером Куаньяр, Нектарий, Никий и другие, — прямые наследники «лирического» героя монтеневского произведения.

Более 400 лет прошло со времени выхода в свет «Опытов», но произведение это сохраняет свое живое значение до наших дней.

Нам близок Монтень-гуманист, остро переживающий бедды, несчастия, страдания, в которые оказалась ввергнутой его страна по близорукости и своекорыстию правящих классов, понимающий всю бессмысленность кровопролитных войн, терзающих и разрушающих его родину.

Современному читателю близок Монтень — вольнолюбивый, жизнелюбивый, тонкий критик изживших себя форм познания мира, выступающий за раскрепощение человеческого чувства и разума, защитник права на свободную жизнь, создаваемую гармонично, с соблюдением законных требований как духа, так и плоти.

До настоящего времени сохраняет свою актуальность внимание Монтеня к человеческой личности; писатель одним из первых в истории современной литературы сделал личность предметом художественного изображения, предметом новым, неожиданным, поражающим своим богатством и неисчерпаемостью. Собственный жизненный опыт становится для него столь же неизбежным и необходимым строительным материалом, как и те факты, данные, которые он черпал из прочитанных книг.

Но индивидуальная жизнь для Монтеня не форма и способ бегства от действительности, а средство приобщения к жизни социальной; только гармонически развитый человек может принести пользу обществу, только в совершенстве развития индивидуальность может брать на себя ответственность за принятие решений и рассчитывать не на помощь и вмешательство свыше, а только на свои собственные силы и возможности. Труд по воспитанию, совершенствованию человека — дело рук самого человека. Монтеневское обраще-

ние к себе тесно связано с папованием людей об их ответственности за судьбу Земли, за будущее планеты, писатель категорически выступает против тех, кто действует по принципу «после меня хоть потоп», он решительно осуждает бездумное, бессмысленное расточение природных и человеческих сил и богатств.

Актуально звучат слова русского революционного демократа А. Герцена, характеризующего художественное своеобразие «Опытов», подчеркивающего их жизненную силу. Мировосприятие Монтеня он определяет как «особое, практически философское воззрение на вещи, не наукообразное, не имеющее произнесенной теории, не покоренное ни одному абстрактному учению, ничьему авторитету — воззрение свободное, основанное на жизни, на самомышлении и на отчете о прожитых событиях, отчасти на усвоении, на долгом, живом изучении древних писателей; воззрение это стало просто и прямо смотреть на жизнь, из нее брало материал и совет; оно казалось поверхностным, потому что оно ясно, человечно и светло...».

В России Монтень впервые был издан в 1762 году. Сергей Волчков перевел в отрывках приблизительно одну четверть подлинника из «Опытов» под названием «Опыты Михайла Монтаньева». Монтеня часто перечитывал Пушкин. Большое влияние книга французского писателя оказала на Л. Толстого, она была в числе тех немногих книг, которые он попросил прислать себе после ухода из Ясной Поляны.

Произведение Монтеня уже четыре столетия сохраняет свое достойное место в фонде сокровищ мировой литературы. Оно служит одним из существенных источников новых размышлений, всегда оказываясь верным спутником и помощником гуманистов всех стран в их борьбе с нетерпимостью, фанатизмом, догматизмом.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ МОНТЕНЯ

Об искусстве жить достойно. Филос. очерки. М., Дет. лит., 1975, с. 205.

Опыты. В 3-х кн. Вступ. статья Ф. А. Коган-Бернштейн, М., Наука, 1979 (Лит. памятники),

ЛИТЕРАТУРА О ПИСАТЕЛЕ

Вишневский А. А. Монтень. — В кн.: История французской литературы. Т. 1. М., 1946, с. 321—334.

Рыкова Н. Я. Мишель Монтень. — В кн.: Писатели Франции. М., 1964, с. 32—40.

Богуславский В. М. Монтень и философия культуры. — В кн.: История философии и вопросы культуры. М., 1975, с. 190—234.

Артамонов С. Д. Монтень и Франция второй половины XVI в. М., МОПИ, Ученые записки, т. 130, 1963, с. 265—296.

Гулыга А. В. Вступ. статья к книге «Об искусстве жить достойно». М., Дет. лит., 1975.

СОДЕРЖАНИЕ

Что такое «Опыты»	8
История и личность	13
Художник и время	20
...Ничто человеческое мне не чуждо	25
«Что я знаю?»	35
Земной удел	48
Стиль — это человек	54
Заключение	59

Валерий Петрович БОЛЬШАКОВ

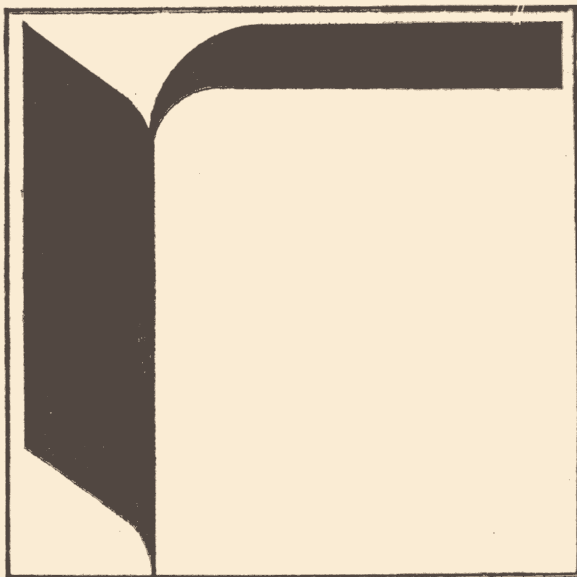
МОНТЕНЬ — ВЕЛИКИЙ ГУМАНИСТ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ (450 лет со дня рождения)

Главный отраслевой редактор В. П. Демьянов. Редактор Н. М. Краснопольская. Мл. редактор Е. П. Веревкина. Худож. редактор М. А. Гусева. Техн. редактор А. М. Красавина. Корректор Н. Д. Мелешкина.

ИБ № 5969

Сдано в набор 23.03.83. Подписано к печати 27.04.83. А 05577. Формат бумаги 70×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 2,80. Усл. кр.-отт. 2,89. Уч.-изд. л. 3,51. Тираж 80 020 экз. Заказ 591. Цена 11 коп. Издательство «Знание», 101835, ГСП, Москва, Центр, проезд Серова, д. 4. Индекс заказа 837006.

Типография Всесоюзного общества «Знание». Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4.

ЗНАНИЕ

НОВОЕ В ЖИЗНИ, НАУКЕ, ТЕХНИКЕ